This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
219.6
C43
S47

Въ рев. газетѣ „Русск. Вѣдомости"
Шаганов, В. Н.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ

STANFORD LIBRARIES

ВОСПОМИНАНІЯ

В. Н. ШАГАНОВА.

Посмертное изданіе **Э. К. Пекарскаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія", Загородный, 17.
1907.

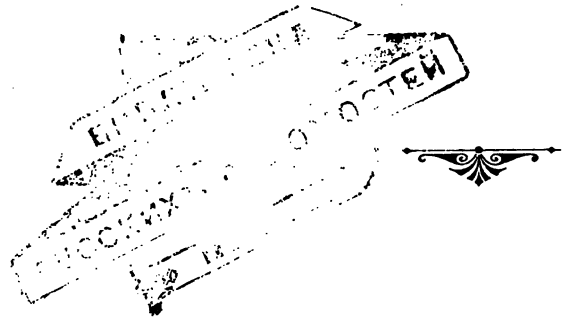
317

Николай Гавриловичъ Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ

ВОСПОМИНАНІЯ

В. Н. ШАГАНОВА.

Посмертное изданіе **Э. К. Пекарскаго.**



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“, Загородный, 17.
1907.

Печатаемыя воспоминанія В. Шаганова были представлены мною въ редакцію „Былого“ для помѣщенія въ этомъ журналѣ и были ею приняты, но не могли появиться тамъ въ предположенное мною время по чисто техническимъ условіямъ изданія. Въ виду этого я рѣшилъ выпустить въ свѣтъ воспоминанія В. Шаганова въ отдѣльномъ изданіи; сдѣлать это для меня было тѣмъ легче, что редакція „Былого“ охотно предоставила въ мое распоряженіе готовый наборъ и приняла на себя всѣ хлопоты по изданію, за что я выражаю ей здѣсь свою глубокую признательность.

Издатель.

4 декабря
1906 г.

Оглавленіе.

СТРАН.

Отъ издателя III

Предисловіе его-же V

I. Извѣстіе объ арестѣ Чернышевскаго. Приговоръ о ссылкѣ его въ каторжныя работы. Краткое содержаніе обвинительнаго акта . . 1

II. Краткія свѣдѣнія о пребываніи Чернышевскаго на каторгѣ вмѣстѣ съ М. Л. Михайловымъ. Характеристика Михайлова, какъ человѣка, литератора и политическаго дѣятеля 3

III. Характеристика Чернышевскаго, какъ человѣка, писателя и мыслителя 6

IV. Беллетристическія произведенія Чернышевскаго, написанныя во время пребыванія на каторгѣ. Краткія біографическія свѣдѣнія о Сѣраковскомъ, выведенномъ въ романѣ Чернышевскаго „Прологъ“ подъ именемъ Соколовскаго 11

V. Нѣкоторыя изъ политико-философскихъ идей Чернышевскаго . . . 25

VI. Постоянное помѣщеніе Чернышевскаго въ тюрьмѣ Александровскаго завода. Отношенія къ Чернышевскому его товарищей по заключенію. Обиходная обстановка его жизни въ заводѣ 30

VII. Жизнь Чернышевскаго въ г. Вилюйскѣ. Отношеніе къ Чернышевскому мѣстнаго населенія и администраціи. Послѣднія литературныя произведенія Чернышевскаго, написанныя въ Вилюйскѣ 32

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя вниманію читателей воспоминанія покойнаго Вячеслава Николаевича *Шаганова* были написаны имъ по моей просьбѣ въ 1882 году, когда авторъ жилъ на поселеніи въ Якутскомъ округѣ, въ селеніи Чурапча, Ботурусскаго улуса, и затѣмъ переданы авторомъ мнѣ, въ мое полное распоряженіе, вмѣстѣ съ имъ же написанными «Замѣтками для мемуаровъ». Какъ тѣ, такъ и другія были редактированы мною согласно желанію самого автора, заявившаго, что писалъ онъ спѣшно, нисколько не заботясь о литературной отдѣлкѣ своихъ воспоминаній (воспоминанія о Чернышевскомъ были написаны Шагановымъ въ два вечера). «Замѣтки для мемуаровъ» были помѣщены мною въ концѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія въ рукописномъ журналѣ «Улусный Сборникъ», издававшемся ссыльными Якутской области подъ редакціей покойнаго Василія Филипповича *Трощанскаго*, которому принадлежала и иниціатива изданія, а «Воспоминанія о Чернышевскомъ»—въ рукописномъ же журналѣ «Якутскій Сборникъ» 1890 г., замѣнившемъ собою «Улусный Сборникъ» и издававшемся подъ новою редакціей извѣстнаго нынѣ литератора Василія Яковлевича *Яковлева-Богучарскаго*, жившаго нѣкоторое время въ вышеупомянутомъ селеніи Чурапча. Имѣвшіеся у меня списки воспоминаній Шаганова постоянно обращались среди ссыльныхъ Якутскаго округа, причемъ «Замѣтки для мемуаровъ», содержавшія цѣнныя свѣдѣнія о старыхъ процессахъ и старыхъ ссыльныхъ Якутской области, затерялись неизвѣстно гдѣ и у кого, списокъ же воспоминаній о Чернышевскомъ сохранился (въ полуистлѣвшемъ отъ времени видѣ) до сего дня. Глава IV была помѣщена мною въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1900 г.,—съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями въ виду цензурныхъ условій того времени,—подъ заглавіемъ: «Беллетристика Чернышевскаго», а остальная часть, нѣсколько неожиданно для меня, появилась въ фельетонахъ иркутской газеты «Восточное Обозрѣніе» за ноябрь и декабрь мѣсяцы минувшаго 1905 г. (№№ 259, 264, 267, 274 и 280), также съ нѣкоторыми сокращеніями, но уже не вслѣдствіе цензурныхъ соображеній, а по личному усмотрѣнію издателя, съ немалымъ числомъ ошибокъ и грубыхъ опечатокъ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ сличенія текста «Восточнаго Обозрѣнія» съ помѣщаемымъ ниже. Издатель, г. В. С. Е., въ выноскѣ къ заголовку,

представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ если бы самъ Шагановъ помѣстилъ свои воспоминанія въ рукописномъ «Сборникѣ» и мы оба, т.-е. г. В. С. Е. и я, черпали уже изъ этого источника, тогда какъ въ дѣйствительности «Сборникъ» получилъ матеріалъ изъ моихъ рукъ, а черезъ него, изъ тѣхъ же рукъ, и редакція «Восточнаго Обозрѣнія». О томъ, что авторъ предоставилъ рукопись своихъ воспоминаній въ мое распоряженіе, мною вполнѣ опредѣленно—если не ошибаюсь, при жизни автора—было заявлено во введеніи къ помѣщенному въ «Русскомъ Богатствѣ» отрывку. Всѣ могущія появиться въ свѣтъ изданія воспоминаній покойнаго Шаганова будутъ лишь копіями съ моего черноваго экземпляра. Для настоящаго изданія воспоминанія эти мною заново редактированы, исправлены и снабжены необходимыми примѣчаніями.

Эд. Пекарскій.

I.

Извѣстіе объ арестѣ Чернышевскаго. Приговоръ о ссылкѣ его въ каторжныя работы. Краткое содержаніе обвинительнаго акта.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1862 г. я ѣхалъ изъ Москвы въ Васильсурскъ. Въ Нижнемъ я сѣлъ на пароходъ, на которомъ оказалось семейство Н. Г. Чернышевскаго. Оно состояло изъ его жены, двухъ мальчиковъ-дѣтей Николая Гавриловича, жениной сестры—еще молодой дѣвушки лѣтъ 20—22,—ея брата, уже взрослаго молодого человѣка лѣтъ подъ 20, оканчивавшаго курсъ въ одной изъ Петербургскихъ гимназій,—и еще какого-то гимназиста, помоложе перваго, тоже родственника жены Николая Гавриловича. Тогда еще молодой студентъ, только что перешедшій на 3-й курсъ,—понятно, съ какимъ любопытствомъ я глядѣлъ на семейство человѣка, столь знаменитаго по своей литературной дѣятельности. Я скоро познакомился съ братомъ жены Чернышевскаго, и онъ, какъ это водилось въ то время, сейчасъ же началъ посвящать меня во всѣ политическія интимности Петербурга и показывалъ прокламаціи (которыя тогда незнакомая между собою молодежь не стѣснялась сообщать другъ другу); вмѣстѣ съ тѣмъ мы толковали о М. Л. Михайловѣ, надъ которымъ тогда уже, кажется, состоялся приговоръ Суда Сената, и перелистывали послѣдній (майскій) нумеръ «Современника», не предполагая, что онъ въ этомъ году точно послѣдній (съ этого нумера правительство запретило «Современникъ» на 8 мѣсяцевъ). Не предполагало и семейство Чернышевскаго, что, по возвращеніи своемъ изъ Саратова (куда оно ѣхало), оно уже не найдетъ болѣе Николая Гавриловича на свободѣ. Н. Г. Чернышевскій былъ арестованъ, кажется, на дачѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ этого 1862 г.

Уже послѣ, только осенью, возвратясь изъ Васильсурска отъ своихъ родныхъ въ Москву, я узналъ объ арестѣ Чернышевскаго. Извѣстіе объ этомъ поразило университетскую молодежь. Сначала думали, что это одно изъ послѣдствій крайней реакціи, наставшей вслѣдъ за петербургскими пожарами, и что все ограничится содержаніемъ его въ крѣпости въ теченіе болѣе или менѣе долгаго срока. Но время шло, реакція становилась ожесточеннѣе, а лѣтомъ 1864 г. появился въ газетахъ приговоръ о ссылкѣ Н. Г. Чернышевскаго на 14 лѣтъ въ каторжныя работы въ рудникахъ «за составленіе прокламаціи къ барскимъ крестьянамъ и за вред-

ное направленіе, приданное журналу *Современникъ*»... При окончательной конфирмаціи приговоръ этотъ былъ сокращенъ на половину.

Уже въ концѣ 1864 г., въ Москвѣ, въ домѣ одной московской уроженки (Калистовой), я снова встрѣтилъ жену Чернышевскаго и ея сестру. Я ее тутъ видѣлъ не болѣе двухъ разъ и узналъ черезъ Калистову, что, кажется, осенью 1864 г., Чернышевскій былъ увезенъ въ Сибирь и поселенъ въ Нерчинскомъ округѣ въ рудникѣ Кадая, гдѣ онъ живетъ съ М. Л. Михайловымъ отдѣльно въ одномъ домикѣ, внутри тюремной ограды. Вотъ и все, что узналъ я о Чернышевскомъ, когда былъ еще въ Россіи, да и всякій зналъ не болѣе, такъ какъ Чернышевскій могъ переписываться только съ женой. Свѣдѣній другимъ путемъ не приходило, и сама жена Чернышевскаго, очевидно, не любила сходиться съ новыми знакомыми, главнымъ образомъ, потому, какъ я слышалъ, что петербургская молодежь очень ужъ надоѣдала ей, лазя въ большомъ количествѣ, какъ къ женѣ своего любимѣйшаго публициста. Въ 1864 же году появился списокъ съ доклада секретаря сената присутствію сената по дѣлу Чернышевскаго [1]). Это было нѣчто въ родѣ того, что теперь составляетъ въ дѣлахъ обвинительный актъ, но, въ то же время, это была вещь невѣроятная по тѣмъ, приведеннымъ въ ней, мотивамъ и quasi-фактамъ, на основаніи которыхъ обвинялся Чернышевскій. Видите-ли: дѣло начиналось съ того, что гвардейскій офицерикъ Всеволодъ Костомаровъ (племянникъ профессора Н. Костомарова) былъ отправленъ съ жандармами въ Тобольскъ за какія-то политическія провинности. Не доѣзжая нѣсколькихъ станцій до Тобольска, онъ сталъ разбирать свой чемоданъ, и оттуда выпало письмо Чернышевскаго въ Москву къ литератору Плещееву (бывшему петрашевцу). Въ этомъ письмѣ Чернышевскій, будто-бы, пишетъ, что воззваніе къ бывшимъ барскимъ крестьянамъ готово, но что въ Петербургѣ нѣтъ типографіи, гдѣ бы можно его напечатать, и проситъ Плещеева найти такую въ Москвѣ. Костомарова сейчасъ назадъ, въ Петербургъ (это уже было послѣ ареста Чернышевскаго), спрашиваютъ: какимъ образомъ у него очутилось такое письмо? Костомаровъ объясняетъ, что незадолго до своего ареста, лѣтомъ 1862 г., онъ ѣздилъ въ Москву и что Чернышевскій просилъ его отвезти письмо къ Плещееву. Письмо положилъ въ чемоданъ, но, когда пріѣхалъ въ Москву, отыскать его не могъ. Оказалось, что оно завалилось за верхнюю крышку чемодана, гдѣ и пребывало по сіе время. Ему, Костомарову, письмо это Чернышевскій отдалъ въ бесѣдкѣ, гдѣ тоже съ нимъ говорилъ о воззваніи къ крестьянамъ, которое должно было объяснить послѣднимъ

---

[1]) Такъ называемая „Сенатская записка" о дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго, появившаяся въ № 193 „Колокола" за 1864 г., перепечатана въ „Матеріалахъ для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг." (Второе приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи", издающимся подъ ред. *Б. Базилевскаго*. Paris. 1905; русское изданіе—Спб. 1906), а также приведена цѣликомъ въ статьѣ *М. К. Лемке*: „Дѣло Н. Г. Чернышевскаго" (Былое 1906 г., № 5, май). *Э. П.*

ихъ печальное будущее, созданное экономическою стороною реформы освобожденія. Эти слова якобы слышали двое московскихъ мѣщанъ, случайно находившіеся въ то время позади бесѣдки [1]). Затѣмъ въ докладѣ приводится письмо неизвѣстнаго изъ Москвы (тогда думали—Каткова) въ III-е отдѣленіе, гдѣ говорилось: «спасите Россію отъ этого умнаго соціалиста, отъ этого ловкаго софиста, имѣющаго безграничное вліяніе на молодежь и готоваго затопить Россію кровью». Приводилась записка Герцена, звавшаго Чернышевскаго въ Женеву издавать «Современникъ», за невозможностью продолжать его направленіе въ Россіи. Приводилось мѣсто изъ письма Чернышевскаго къ его женѣ, уже посланнаго изъ крѣпости; это мѣсто письма, которое сочли нужнымъ привести, какъ доказательство сатанинской гордости автора, было слѣдующее: «я занятъ теперь мыслью написать энциклопедію знаній, какой не было со времени Аристотеля». Были и всякіе другіе курьезы въ этомъ докладѣ, которыхъ я уже не помню, но приведенные мною и есть самые главные. Чернышевскій отрицалъ письмо, представленное Костомаровымъ, и свой разговоръ съ нимъ въ саду. Разговоръ подтвердили подъ присягою московскіе мѣщане, а въ докладѣ даже не упомянуто, были ли вызваны эксперты для сравненія почерковъ Костомарова и Чернышевскаго.

II.

Краткія свѣдѣнія о пребываніи Чернышевскаго на каторгѣ вмѣстѣ съ М. Л. Михайловымъ. Характеристика Михайлова, какъ человѣка, литератора и политическаго дѣятеля.

Продолжаю о Чернышевскомъ въ хронологическомъ порядкѣ [2]),

---

[1]) Въ „сенатской запискѣ" упоминается только одинъ мѣщанинъ Яковлевъ, состоявшій у Костомарова переписчикомъ. Здѣсь я опускаю приводимый авторомъ воспоминаній разсказъ студента Ященко, напечатанный мною въ „Нашей Жизни" за 1905 г. № 77, отъ 1-го февраля (см. также „Восточ. Обозр." 1905, № 259), относительно роли двухъ московскихъ мѣщанъ въ дѣлѣ Чернышевскаго, въ виду несоотвѣтствія его съ истиною, какъ это явствуетъ изъ упомянутой выше статьи г. Лемке, назвавшаго, повидимому, именно это сообщеніе „непонятнымъ и спутаннымъ" (см. „Былое" 1906, № 3, стр. 143, выноска 1-ая). *Э. П.*

[2]) Чернышевскій родился 12 іюля 1828 г. въ Саратовѣ. Отецъ его былъ соборнымъ протоіереемъ въ этомъ городѣ. Въ апрѣльской книжкѣ „Современника" за 1862 годъ, гдѣ помѣщено публичное чтеніе Чернышевскаго о Добролюбовѣ, есть много чертъ изъ жизни самого Николая Гавриловича и его товарищей по саратовской семинаріи. Въ 1846 г. Чернышевскій поступилъ въ петербургскій университетъ по 1-му отдѣленію философскаго факультета по общей словесности, гдѣ окончилъ курсъ въ 1850 году со степенью кандидата. Съ 1851 года былъ не долгое время учителемъ русскаго языка (исторіи?) въ Саратовѣ.—(Приводимыя здѣсь и ниже біографическія и библіографическія свѣдѣнія провѣрены и исправлены по „Настольному Энциклопедическому Словарю" Граната и К° т. VIII, 5130. Въ томѣ IX „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго" упоминаемое авторомъ публичное чтеніе о Добролюбовѣ не значится въ числѣ статей, помѣщенныхъ въ „Современникѣ" за 1862 г. *Э. П.*).

хотя то, о чемъ я буду говорить теперь, я узналъ уже въ ссылкѣ или отъ него самого, или отъ другихъ лицъ, знавшихъ его тоже въ ссылкѣ.

Чернышевскій долженъ былъ въ крѣпости давать массу объясненій на различныя мѣста цѣлаго вороха своихъ рукописей, которыя были забраны въ его квартирѣ. Рукописи были все научнаго содержанія, большею частью по политической экономіи. Чернышевскій самъ не предполагалъ, что его будутъ судить, ибо на самомъ дѣлѣ не было никакихъ данныхъ для обвиненія; онъ думалъ, что его будутъ держать въ крѣпости и продержатъ долго. Его знакомые, уже по объявленіи приговора, предлагали хлопотать, чтобы его оставили въ Петербургѣ въ крѣпости, по крайней мѣрѣ, подолѣе, но онъ самъ не согласился. И, какъ я уже говорилъ, онъ былъ отправленъ въ рудникъ Кадая на китайской границѣ. Тамъ онъ жилъ вмѣстѣ съ Мих. Лар. Михайловымъ, который при немъ и умеръ. Тамъ Чернышевскій написалъ и лучшіе свои романы: „Прологъ къ прологу", „Дневникъ Левицкаго" и „Прологъ", содержаніе которыхъ вкратцѣ я изложу ниже. Тамъ и Михайловъ писалъ свои переводы иностранныхъ поэтовъ и сцены изъ быта первыхъ людей (по старой геологической теоріи катаклизмовъ или радикальныхъ переворотовъ земного шара). Большинство этихъ переводовъ было напечатано въ журналѣ „Дѣло" конца 60-хъ годовъ. Жилось имъ обоимъ въ Кадаѣ недурно, насколько недурно можетъ жить государственный каторжникъ. Главное, хорошо то, что военнаго начальника не было, а былъ одинъ смотритель-старичекъ, человѣкъ простой и порядочный. Когда Шелгуновъ пріѣхалъ туда къ Михайлову со своей женой, то г-жа Шелгунова прожила тамъ съ полгода въ деревнѣ при острогѣ, пока не узнало объ этомъ начальство, которое, приславъ за ней жандарма, и препроводило ее съ нимъ въ Петербургъ. Самого Шелгунова за это сослали въ Тотьму (Вологод. губ.), а старичка-смотрителя Кадая прогнали со службы. Несчастный Михаилъ Ларіоновичъ постоянно лелѣялъ мысль о бѣгствѣ. У него даже собрано было на это рублей до 700, но онъ имѣлъ неосторожность ввѣриться одному авантюристу, баварскому подданному Бончару (сосланному за польское возстаніе), который взялъ у него эти деньги въ видахъ распоряженія ими въ пути во время побѣга и въ самомъ дѣлѣ сбѣжалъ, устроивъ такъ, что начальство перевело его въ другой заводъ. Можетъ быть, это происшествіе, т.-е. исчезновеніе надежды на побѣгъ, и увозъ г-жи Шелгуновой и ускорили смерть Михайлова. Михайловъ былъ человѣкъ крайне впечатлительный, по разсказамъ—натура женственная и глубоко чувствительная. Онъ, конечно, всегда былъ литераторомъ съ честными убѣжденіями, но еще въ концѣ 50-хъ гг. былъ далекъ отъ политической дѣятельности. Г-жа Шелгунова указала ему этотъ путь, какъ болѣе достойный честнаго человѣка въ то незабвенное время. И онъ, осенью 1861 г., выпустилъ свое воззваніе къ молодому поколѣнію и два или три нумера листка „Великоруссъ", имѣвшіе невѣроятный успѣхъ. Человѣкъ не

съ особенно яркимъ литературнымъ талантомъ и политикъ болѣе по чувству, онъ чутьемъ своей нервной натуры формулировалъ, въ своемъ „Великоруссѣ", самыя задушевныя стремленія тогдашняго русскаго общества—федеральную конституцію со свободой Польши, а въ воззваніи къ молодому поколѣнію указалъ молодежи въ ней самой новую грядущую силу—искупителей Россіи. Кто изъ моихъ сверстниковъ не помнитъ его отвѣтнаго стихотворенія къ петербургскимъ студентамъ? Во время студенческой демонстраціи въ Петербургѣ, въ концѣ октября 1861 г., до 300 студентовъ были отвезены въ Кронштадскую крѣпость, гдѣ и пробыли въ заключеніи около мѣсяца. Тамъ они узнали о приговорѣ надъ Михайловымъ, осуждавшемъ его въ рудники, и написали ему прощальное письмо въ стихахъ:

„Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи,
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,
Да утишитъ въ часъ скорбной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!
„Проклятымъ рокомъ самовластья
Не суждено тебя обнять [1])
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать".

Михайловъ отвѣтилъ студентамъ;

„Дружно, крѣпко всѣхъ въ объятья
Васъ бы, братья, заключилъ
И надежды и проклятья
Съ вами вмѣстѣ раздѣлилъ.

* * *

„Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ мракъ и холодъ рудника!

* * *

„Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Въ сердцѣ свято сохраню.

* * *

---

[1]) Существуетъ варіантъ послѣднихъ двухъ стиховъ:

Подъ тяжкимъ игомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять и т. д.

Во второмъ приложеніи къ сборникамъ г. Базилевскаго (стр. 24 париж. изд.) и въ январской книжкѣ „Былого" за 1906 г., въ ст. г. Лемке: „Дѣло М. И. Михайлова" (стр. 112—113), какъ это стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Узнику", состоящее всего изъ 5 строфъ, такъ и отвѣтное стихотвореніе Михайлова приведены цѣликомъ съ нѣкоторыми незначительными варіаціями. Надо полагать, что автору воспоминаній память нѣсколько измѣнила и онъ сдѣлалъ невольныя отступленія отъ оригинала. *Э. П.*

„Въ безысходной мглѣ изгнанья
Буду твердо свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:

* * *

„Будь борьба успѣшнѣй ваша,
„Встрѣть въ бою побѣда васъ...
„И минуй васъ эта чаша,
„Отравляющая насъ!"

* * *

Есть еще у Михайлова, написанное, кажется, на пути въ Сибирь, прелестное стихотвореніе, описывающее этотъ многострадальный путь многихъ тысячъ людей и суровую природу этого края. Стихотвореніе довольно большое, и я его не помню.

Да, Михайловъ произвелъ громадное впечатлѣніе на общество. Когда его везли въ Сибирь, во многихъ городахъ Россіи встрѣчали его оваціи. Особенно сильны онѣ были въ Тобольскѣ, гдѣ съ Михайлова даже сняли портретъ во весь ростъ, въ арестантской одеждѣ и въ кандалахъ, сидящимъ передъ рѣшетчатыми воротами тобольскаго острога. Кажется нѣкоторые тобольскіе чиновники поплатились за эти оваціи [1])...

III.

Характеристика Чернышевскаго, какъ человѣка, писателя и мыслителя.

Чернышевскій началъ свою литературную дѣятельность (какъ онъ самъ разсказывалъ) съ первой половины 50-хъ годовъ помѣщеніемъ рецензій въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Затѣмъ въ 1855—1856 гг., въ «Современникѣ» Некрасова, онъ помѣстилъ «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», въ которыхъ объяснялась дѣятельность Бѣлинскаго, но самое имя послѣдняго еще не могло быть названо. Въ 1856 же году въ «Современникѣ» появилась кандидатская диссертація Чернышевскаго, написанная имъ гораздо ранѣе: «Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность». Свой трактатъ: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» (напечатанъ въ 1855 г.) Чернышевскій представлялъ какъ диссертацію на магистерскій экзаменъ при филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета, но, конечно, такой трактатъ тамъ не могъ быть одобренъ. Въ 1858 году, по приглашенію редакціи «Современника», Чернышевскій переѣхалъ изъ Саратова въ Петербургъ. Тогда же ему предлагалъ сотрудничество

[1]) См. о нихъ въ статьѣ Шелгунова: „О прошломъ и настоящемъ".—„Подробнѣе въ „Сибирскомъ Листкѣ" за 1905 г." (Вост. Обозр. 1905, № 259, примѣчаніе В. С. Е. къ „Воспоминанію о Чернышевскомъ"). Описанный авторомъ портретъ помѣщенъ во второмъ приложеніи къ сборникамъ г. Базилевскаго. *Э. П.*

Катковъ въ своемъ (еще конституціонномъ) «Русскомъ Вѣстникѣ», но изъ московскихъ журналовъ Чернышевскій только въ журналѣ «Атеней», издававшемся, кажется, кружкомъ молодыхъ учителей, помѣстилъ свою статью: «Русскій человѣкъ на rendez-vous». Дальнѣйшая его литературная дѣятельность болѣе или менѣе извѣстна. Вся она сосредоточивалась въ журналѣ «Современникъ», въ которомъ Чернышевскій, сверхъ своихъ трудовъ, долженъ былъ дирижировать и всей редакціей, а кто не знаетъ, какой это ужасный трудъ! [1])

Всѣ статьи Чернышевскаго опираются на научныя данныя; онъ старается, прежде всего, утвердить ясное, логическое понятіе о трактуемомъ предметѣ, изложить его принципъ, предоставляя каждому самому справляться съ деталями вопроса. Мысль Чернышевскаго вездѣ ясна, выраженія точны и немногословны. Оттого такъ громадно было его вліяніе на современное общество). Для Чернышевскаго всего дороже указаніе на корень вещи, на центръ тяжести вопроса. Онъ не ведетъ, а только выводитъ на прямую дорогу общественной дѣятельности. Онъ не хочетъ указывать способы этой дѣятельности, но онъ указываетъ ея цѣль, идеалъ — «Salus populi lex suprema est», какъ онъ говоритъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ Миллю. Онъ показываетъ, въ статьѣ «Антропологическій принципъ въ философіи», что̀ должно быть предметомъ заботъ для человѣка. Въ наиболѣе прославившейся статьѣ своей «Капиталъ и трудъ» (по поводу сочиненія И. Горлова: «Начала политической экономіи») Чернышевскій выясняетъ, кому служитъ политическая экономія, и предсказываетъ, что она скоро должна будетъ перемѣнить своего господина, а въ разсказахъ изъ исторіи Франціи при іюльской монархіи онъ иллюстрируетъ эту службу quasi-экономической науки дѣяніями новѣйшихъ ея апостоловъ: буржуазіи и излюбленнаго ею короля Луи Филиппа.

Я здѣсь не резюмирую литературной дѣятельности Чернышев-

---

[1]) Объ участіи Чернышевскаго въ журналѣ военнаго министерства я постараюсь сказать послѣ по поводу Сѣраковскаго—офицера генеральнаго штаба.—(Авторъ своего обѣщанія не выполнилъ, такъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ воспоминаній объ участіи Чернышевскаго въ названномъ журналѣ ничего не говорится. *Э. П.*).— Вмѣстѣ съ Добролюбовымъ Чернышевскій издалъ двѣ книжечки: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, составленную имъ самимъ (перепечатана въ т. X, ч. 2, „Полнаго собранія сочиненій"), и „Кольцовъ", составленную Добролюбовымъ. Онѣ предназначались для дѣтскаго чтенія и содержали въ себѣ біографіи обоихъ поэтовъ и избранныя стихотворенія изъ нихъ—въ текстѣ же біографій.

[2]) Газета „Страна", въ одной изъ своихъ статей за 1881 г., причислила Чернышевскаго къ катедеръ-соціалистамъ. Послѣдніе, когда о чемъ хорошемъ думали, имѣли привычку никогда не додумывать: рѣшаясь касаться вопроса, они трусили при самомъ началѣ, и тамъ, гдѣ не было никакой опасности рѣшать радикальнѣе, они всегда рѣшали наполовину. Катедеръ-соціалисты похожи на тѣхъ ученыхъ богослововъ, которые хотѣли примирить науку съ религіей. Надо было не читать ни строчки изъ Чернышевскаго, чтобы причислить его къ этой фракціи ученыхъ экономистовъ. Въ извѣстныхъ примѣчаніяхъ къ „Политической экономіи" Милля Чернышевскій самъ упрекаетъ Луи-Блана за то, что тотъ въ своей „Organisation du travail" рѣшалъ вопросъ только наполовину, т.-е. собственно ничего не рѣшалъ...

скаго, а только просто передаю современныя впечатлѣнія (отъ этой дѣятельности) университетской молодежи и лучшей части общества. Онъ никого не призывалъ къ бунту или возстанію, но онъ слишкомъ ярко и неотразимо объяснялъ положеніе общества и слишкомъ много давалъ матеріала для разоблаченія людской глупости—съ одной и подлости—съ другой стороны. Во всѣхъ вопросахъ онъ неуклонно стоялъ на экономической ихъ сторонѣ, не упоминая о политической формѣ. Но кто захотѣлъ бы подумать о логическомъ продолженіи его принциповъ или спросить его лично, тотъ, несомнѣнно, получилъ бы отвѣтъ, что людскія дѣла дѣлаются, конечно, людьми, а отъ различной группировки элементовъ власти будетъ зависѣть и то, что̀ они именно сдѣлаютъ. Единственная вина Чернышевскаго была та, что это—человѣкъ съ выдающимся умомъ (что̀, къ несчастью, въ нашей странѣ составляетъ слишкомъ рѣдкій даръ Божій), что его логика неотразима и что, въ какой бы средѣ знанія ни работалъ этотъ умъ, онъ равно будетъ опасенъ, такъ какъ заставитъ логически мыслить своихъ учениковъ.

«Именемъ твоимъ изгоняются бѣсы». Эти слова изъ Евангелія Іоанна прямо примѣняются къ Чернышевскому. Гдѣ звучало его слово, тамъ пропадалъ мракъ, оттуда бѣжали фантомы человѣчества, тамъ дрожала неправедная власть за свой престижъ передъ массой...

Я приведу здѣсь два потѣшныхъ анекдота, ярко рисующихъ популярность Чернышевскаго и внушаемый имъ страхъ, въ 1-ой половинѣ 60-хъ гг. Оканчивая курсъ въ 1864 г. въ московскомъ университетѣ, я на лѣто искалъ себѣ скромный уголокъ для занятій и нашелъ гдѣ-то на пустырѣ (около Патріаршихъ прудовъ), на большомъ дворѣ, нѣчто въ родѣ коттэджа, обитаемаго будочникомъ (такъ назывались по-московски городовые) и его супругой. Я нанялъ у нихъ отдѣльную комнату. Будочникъ мой оказался политикомъ: читалъ «Московскія Вѣдомости» и исторію Фридриха Великаго (единственная его книга). Но къ нему ходилъ часто въ гости братъ его жены, кондукторъ желѣзной дороги, который читалъ только «Современникъ», спеціально старыхъ годовъ и спеціально ради статей Чернышевскаго. Я нарочно не вступался въ ихъ дебаты, когда кондукторъ громилъ Каткова, а будочникъ защищалъ его. Дѣло доходило до очень крупныхъ рѣчей.

Другой анекдотъ разсказалъ самъ Чернышевскій. Въ маѣ 1862 г., въ самое время петербургскихъ пожаровъ, рано поутру врывается въ квартиру Чернышевскаго Ѳ. Достоевскій и прямо обращается къ нему съ слѣдующими словами: «Николай Гавриловичъ, ради самого Господа, прикажите остановить пожары!..» Большого труда тогда стоило, говорилъ Чернышевскій, что-нибудь объяснить Ѳ. Достоевскому. Онъ ничему вѣрить не хотѣлъ и, кажется, съ этимъ невѣріемъ, съ отчаяніемъ въ душѣ убѣжалъ обратно.

Кто читалъ сочиненіе Стэнли объ отысканіи имъ Ливингстона, тотъ, вѣроятно, помнитъ характерную сцену самой встрѣчи Стэнли

съ Ливингстономъ. Какъ извѣстно, Стэнли, приближаясь къ жилищу Ливингстона, велѣлъ распустить знамя, ударить въ барабаны, вострубить въ трубы и сдѣлать залпъ изъ ружей и, совершивъ все это съ ловкостью военнаго человѣка, обратился къ Ливингстону, какъ-бы къ своему полковому командиру. «Но при первомъ же взглядѣ на этого человѣка – говоритъ самъ Стэнли—я увидѣлъ, насколько мальчишески глупа была эта моя овація». Держа свой отрядъ полудикихъ, во все время пути, только страхомъ военной дисциплины и нагаекъ, онъ, при видѣ Ливингстона, понялъ, какъ можетъ человѣкъ совершенно одинокій и беззащитный властвовать надъ массой окружающихъ его дикихъ, для которыхъ, казалось, не можетъ быть никакого другого авторитета, кромѣ авторитета палки. Та удивительная простота обращенія, снисхожденіе, не дающее себя замѣтить, та какая-то особенная святость личности дали понять Стэнли въ Ливингстонѣ именно то, чѣмъ уловляются сердца всѣхъ людей безъ различія. И вотъ точь въ точь такое же впечатлѣніе выносилъ всякій изъ встрѣчи съ Чернышевскимъ. Когда я прочелъ эту сцену встрѣчи Стэнли съ Ливингстономъ (уже черезъ семь лѣтъ послѣ знакомства съ Чернышевскимъ), предо мной невольно такъ и встало вмѣсто Ливингстона лицо Николая Гавриловича. Впечатлѣніе было настолько живо, что казалось, будто я самъ лично зналъ Ливингстона, и я въ своемъ умѣ, при дальнѣйшемъ чтеніи, уже никакъ не могъ обойтись, чтобы не подставлять Чернышевскаго на мѣсто Ливингстона. Такое однородное впечатлѣніе всегда производятъ сильные умы и высоконравственныя натуры, на какихъ бы разнородныхъ поприщахъ они ни дѣйствовали, въ какихъ бы разнородныхъ обстоятельствахъ ни встрѣчались. Еще въ 1872 г., когда мнѣ впервые пришлось прочитать Лассаля, то его ясный логическій способъ изложенія, изъ-за котораго блестѣлъ сильный первостепенный умъ, вдругъ мнѣ напомнилъ впечатлѣніе неизъяснимаго удовольствія отъ ясности и силы изложенія въ романѣ Лермонтова. Я говорю не про сущность сочиненій того и другого, а про характеръ производимыхъ ими впечатлѣній, про то несказанное удовольствіе, которое ощущаетъ человѣкъ, знакомясь съ произведеніемъ великаго ума. И это ощущеніе бываетъ всегда однородно, къ какимъ бы націямъ ни принадлежали люди, въ какихъ бы сферахъ жизни или мысли ни дѣйствовали они. Когда я потомъ, при свиданіи съ Чернышевскимъ (на Вилюѣ), передалъ ему это впечатлѣніе отъ чтенія Лассаля, онъ сказалъ мнѣ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ и должно было случиться,— что Лермонтовъ и Лассаль, какъ силы умственныя, равны. (Надо замѣтить, что изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ Чернышевскій наиболѣе уважалъ Лермонтова). Въ самомъ дѣлѣ, умъ Лассаля всегда неотразимъ,—поэтому и понятны тѣ почти божескія почести, которыя, какъ говорятъ, воздаютъ его памяти нѣмецкіе рабочіе. Когда, я помню, возникалъ какой-нибудь вопросъ общественнаго или общенаучнаго свойства и ты самъ рѣшалъ его въ своемъ умѣ, рѣшалъ долго и съ трудомъ, и все же предъ тобой еще стоялъ рядъ

дилежъ, тогда нерѣдко случалось обращаться за разъясненіемъ къ Чернышевскому при разговорѣ изъ этой сферы. И когда онъ излагалъ свой взглядъ на рѣшеніе этого вопроса, ты видѣлъ, что онъ какъ будто всѣ твои затрудненія читалъ въ твоей душѣ, и всѣ тѣ частные вопросы, на которые ты не могъ дать отвѣта, устранялись сами собой съ дороги при рѣшеніи вопроса Чернышевскимъ. Казалось, будто онъ беретъ вопросъ съ самой его легкой стороны, въ дѣйствительности же выходило, что она то именно и есть суть вопроса, а все остальное—ей подчиненное. Онъ всегда такъ умѣлъ стать на точку зрѣнія слушателя, что не его вводилъ въ свой образъ разсужденія, а заставлялъ слушателя отъ его же собственной точки зрѣнія идти только логическимъ путемъ и найти вѣрное рѣшеніе вопроса. Да, сильный умъ—великій даръ Божій, и неотразимо ему подчиняются люди. И не только въ нашей несчастной странѣ, но и въ цѣлой Европѣ и во всѣ вѣка ея исторіи далеко не много сильныхъ умовъ. Я помню, какъ въ началѣ 60-хъ годовъ, когда русская мысль быстро, одного за другимъ, потеряла двухъ такихъ людей, какъ Добролюбовъ [1]) и Чернышевскій, какое-то уныніе наступило въ литературѣ, и она вмѣстѣ съ обществомъ почувствовала какое-то сиротство. Потухли святые свѣточи... Разрушился городъ, на горѣ стоящій, къ которому стремились путники...

Да, былъ вѣкъ богатырей,
Но смѣшались шашки
И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки...

Эту строфу Давыдова можно было примѣнить и къ нашей тогдашней литературѣ за время съ 1863 года. Вопросы общественные перестали въ ней поддерживаться или поддерживались такъ неталантливо, что уже не возбуждали прежняго вниманія.

Не подумайте, чтобы Чернышевскій былъ склоненъ принимать какія-нибудь изъявленія удивленія или благоговѣнія передъ его личностью и талантомъ. Во-первыхъ, это не пришло бы никому и самому въ голову по той простой причинѣ, по которой и Стэнли такъ сконфузился своей ловкости и оваціи передъ Ливингстономъ. Одного впечатлѣнія первыхъ двухъ-трехъ минутъ знакомства съ Чернышевскимъ было достаточно, чтобы понять, какъ все неестественное чуждо его, и что ему нужно только самое простое, т.-е. и самое нормальное, отношеніе. Если бы кто-нибудь и покусился заговорить въ хвалебномъ тонѣ о его талантахъ,—я увѣренъ, онъ постарался бы отъ него отдѣлаться навсегда въ 24 секунды.

Знакомство всѣхъ насъ произошло какъ то незамѣтно въ

---

[1]) Если бы Добролюбовъ не поторопился умереть самъ, онъ былъ бы, конечно, тамъ, гдѣ и Чернышевскій, и даже гораздо скорѣе, по страстности своей натуры. Еще въ 60-мъ году, когда уже было видно, въ чемъ будетъ состоять дальнѣйшій прогрессъ нашего отечества, Добролюбовъ съ горечью и ожесточеніемъ порицалъ всѣхъ своихъ друзей, что они не хотятъ взяться за дѣло и пропускаютъ самое невозвратимо-удобное время.

тотъ же или на другой день по прибытіи нашемъ въ Александровскій заводъ (въ Забайкальи). Я уже описывалъ (см. «Замѣтки для мемуаровъ“ [1]) расположеніе нашей тюрьмы. Чернышевскій помѣщался тогда въ первой комнатѣ направо отъ входа. Это помѣщеніе состояло изъ крошечной прихожей и слѣдующей одной каморки окнами на дворъ, причемъ половину этой комнаты занимали нары. Онъ былъ помѣщенъ тутъ по переводѣ изъ Кадая, кажется, въ концѣ лѣта 1866 г. Только что по переводѣ его сюда къ нему пріѣзжала жена его для свиданія съ нимъ, но ей позволили оставаться тутъ не болѣе трехъ дней, и свиданія всегда происходили въ присутствіи офицера, состоявшаго при комендантскомъ правленіи въ Александровскомъ заводѣ. Свиданія, конечно, продолжались по 2 – 3 часа—не болѣе. Затѣмъ ее препроводили съ жандармами прямо до Петербурга, хотя оттуда она пріѣхала къ мужу одна, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

IV.

Беллетристическія произведенія Чернышевскаго, написанныя во время пребыванія на каторгѣ. Краткія біографическія свѣдѣнія о Сѣраковскомъ, выведенномъ въ романѣ Чернышевскаго „Прологъ“ подъ именемъ Соколовскаго.

Въ тюрьмѣ Чернышевскій пробылъ вмѣстѣ съ нами недолго: въ началѣ зимы 1867 г. его выпустили на квартиру въ заводъ, такъ какъ окончилась треть срока его пребыванія на каторгѣ, по истеченіи которой, по закону, каторжные должны освобождаться отъ содержанія въ тюрьмѣ. Онъ нанялъ небольшую квартирку въ домѣ заводскаго дьячка, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей тюрьмы. Ему иногда дозволяли приходить къ намъ въ тюрьму, а во время праздниковъ Рождества и Пасхи онъ проводилъ у насъ и по нѣскольку дней, когда читалъ намъ свои романы, разсказывалъ еще задуманные имъ, но ненаписанные, или присутствовалъ при нашихъ театральныхъ упражненіяхъ, для которыхъ и самъ написалъ три вещи. Первая изъ нихъ была небольшая сценка аллегорическаго характера, очень мило и живо написанная. Нѣкій отставной офицеръ имѣетъ у себя жену (Россію), которую держитъ взаперти, бьетъ и всячески тиранитъ. Являются въ то мѣсто два либерала-литератора. Услышавъ о такомъ тираническомъ обращеніи съ женщиною, они воспылали мыслью освободить ее отъ тирана или внушить ему достодолжное обращеніе. Но когда они начали объясняться съ г. офицеромъ, то отъ свирѣпаго натиска съ его стороны потеряли всякую храбрость и даже забились подъ столъ. Видя это, офицеръ, уже было поднявшій арап-

[1]) Какъ сказано въ предисловіи, списокъ „Замѣтокъ для мемуаровъ“, остававшійся у меня послѣ помѣщенія ихъ въ „Уленсномъ Сборникѣ“, затерялся. *Э. П.*

[illegible] на нихъ, перемѣнилъ гнѣвъ на милость и приказалъ подать водки (конституціи), причемъ одинъ изъ либераловъ даже сочинилъ въ честь его хвалебную оду. Напившись, офицеръ снова возымѣлъ желаніе бить жену. Явившійся на зовъ его слуга (народъ) всячески показывалъ гг. литераторамъ на арапникъ, приглашая ихъ принять въ оный офицера, но гг. литераторы тоже достаточно нализались съ офицеромъ и отнеслись несочувственно къ приглашенію слуги; тогда онъ самъ взялъ арапникъ и выгналъ ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и офицера.

Вторая комедія—тоже аллегорическаго характера — была по объему несравненно больше, но проводила собственно ту же мысль, какая была выражена и въ первой сценкѣ. Здѣсь нѣкоторая дама (власть), забравъ въ свои руки либераловъ, составляетъ съ ними комплотъ для окончательнаго закрѣпощенія въ своихъ сѣтяхъ молодой дѣвушки (читай: народъ), уже достигшей совершеннолѣтія. Требовалось ее отдать замужъ, но партія должна быть подыскана такая, чтобы порядокъ дѣлъ отъ этого не измѣнялся и чтобы ея воспитательница (тутъ уже власть является въ лицѣ женщины) могла безпрепятственно дѣлиться съ ея мужемъ всѣмъ ея достояніемъ. Дѣвушка сначала надѣялась на молодого человѣка, котораго полюбила, но онъ былъ удаленъ богъ знаетъ куда, и ничего не было о немъ извѣстно. Она уже и сама начала терять голову и почти давала согласіе на бракъ, предлагаемый воспитательницей, но въ самую рѣшительную минуту явился таки молодой человѣкъ и увелъ дѣвушку у всѣхъ изъ-подъ носу. Какъ видите, тутъ уже замыселъ шире и исполненіе болѣе тонкое. Тутъ было очень интересное вводное лицо—исторіографъ—и милыя сценки кокетства власти съ либералами [1]). Комедія эта называлась: *«Мастерица варить кашу»* и была написана для нашей сцены уже въ концѣ 1868 г. Тогда же была написана и другая большая трехактная комедія: *«Другимъ нельзя»* [2]).

Нужно замѣтить, что отъ сценическихъ вещей, которыя писалъ для насъ Чернышевскій, требовалась еще ограниченность числа лицъ (по неимѣнію актеровъ) и, такъ сказать, единство

---

[1]) Такъ, когда власть устраиваетъ праздникъ для либераловъ, то исторіографъ, онъ же и поэтъ-лавреатъ, пишетъ баркаролу, которую долженъ пѣть *рыбакъ отъ лица рыбъ*. Я не помню всей этой игривой и остроумной вещи, но вотъ ея заключительная строфа. Это говоритъ рыбы (конечно, чрезъ рыбака):

„Благосклонная рука
Накормила насъ... (*госпожа велѣла дать рыбамъ булокъ*)
Превращается рѣка
Въ танцовальный классъ".

[2]) Въ первой части X тома „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго" помѣщены въ числѣ прочихъ его произведеній, написанныхъ въ Сибири, и двѣ послѣднія комедіи, озаглавленныя такъ: „Мастерица варить кашу. Пастораль въ одномъ дѣйствіи" и „Другимъ нельзя. Драма безъ развязки", первой же комедіи вовсе нѣтъ. Между прочимъ, авторъ воспоминаній свидѣтельствуетъ, что „М. Д. Муравскій валъ списки со всѣхъ этихъ трехъ комедій, но достигли ли они куда-нибудь—неизвѣстно". *Э. П.*

дѣйствія (по неимѣнію декорацій); онъ, конечно, при изложеніи долженъ былъ принимать во вниманіе и наши сценическія силы—несомнѣнно, крайне слабыя.

Меня отчасти затрудняетъ изложеніе послѣдней комедіи, потому что въ ней игнорируется одинъ очень распространенный обычай, но это бы еще ничего (противъ этого обычая никто и не ратуетъ),—меня затрудняетъ, ясно ли я объясняюсь, чтобы не поняли взглядъ Чернышевскаго на этотъ обычай именно какъ игнорирующій его. Примите во вниманіе самое названіе комедіи: «*Другимъ нельзя*», чѣмъ авторъ и хотѣлъ сказать, что это—случай исключительный. Наконецъ, онъ самъ объяснилъ намъ, что въ дѣйствующихъ лицахъ этой комедіи нельзя видѣть какіе-либо типы, а тѣмъ болѣе искать тенденціи, проводимой ими;—что онъ имѣлъ въ виду тутъ только извѣстныхъ ему лицъ, индивидуумовъ, которыхъ болѣе двухъ-трехъ можетъ и не быть. Такимъ образомъ, эта комедія—дѣло какъ бы семейное, если можно примѣнить сюда это слово, которымъ я хочу выразить исключительность выведенныхъ въ ней положеній. Вѣроятно, читатели, помнятъ, что въ романѣ «Что дѣлать?» мужъ Вѣры Павловны уѣзжаетъ въ Америку (или, для видимости, якобы топится), чтобы уступить жену свою своему другу, который любитъ ее взаимно; здѣсь же, въ комедіи «Другимъ нельзя», мужъ, поставленный въ подобное же положеніе, уговариваетъ своего друга и свою жену сойтись, не удаляясь и самъ. Я еще и потому затрудняюсь излагать сюжетъ этой комедіи, что надо было бы имѣть талантъ автора или привести въ подлинникѣ массу сценъ, чтобы доказать, что эти люди неизбѣжно должны были рѣшить дилемму именно такъ, а не иначе, а вотъ въ самой комедіи-то это именно неотразимо ясно и видно,—что разъ люди съ такими натурами поставлены въ подобное положеніе, они и рѣшатъ вопросъ именно такъ, а не иначе. Отсюда и слишкомъ личный, интимный характеръ этой комедіи. Но, какъ я сказалъ, я и не пытаюсь излагать комедію для *убѣжденія* читателя. Что будетъ значить для него, если я скажу, что мужъ этой женщины, занятый своими дѣлами, можетъ бывать дома очень рѣдко и чрезъ большіе промежутки—чрезъ мѣсяцъ и два? Что будетъ значить, если скажу, что другъ его жены—человѣкъ очень сентиментальный и нѣжный, для котораго всего дороже чисто невинные поцѣлуи и увѣренность, что есть сердце, которое его любитъ и понимаетъ, какъ это все и выставлено въ комедіи?... Разскажу, впрочемъ, самую фабулу комедіи.

У одного чиновника уѣзднаго городка на Поволжьи есть дочь. Она любитъ одного студента и взаимно имъ любима; они рѣшаютъ жениться, какъ только онъ окончитъ курсъ и найдетъ какое-нибудь мѣсто въ ихъ губерніи. На томъ они и разстаются. Въ это время въ городъ пріѣзжаетъ сосѣдній богатый помѣщикъ; ему нужно бывать у этого чиновника по дѣламъ, и онъ влюбляется въ его дочь. Сначала онъ разсчитываетъ получить ее въ любовницы, и даже отецъ, опаиваемый и задариваемый имъ и его клевретами,

соглашается на это (у дѣвушки мать умерла), но, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны дѣвушки, помѣщикъ рѣшается предложить ей руку. Всѣ ея письма къ студенту и его къ ней перехватываются и уничтожаются общимъ комплотомъ. Но дѣвушка, несмотря на выгодную партію, памятуя только пошлую натуру претендента, отказываетъ. Тогда уже начинается и преслѣдованіе со стороны ея отца, грубое и безчеловѣчное преслѣдованіе пьяной скотины. Тутъ случайно, собственно въ кругу богатаго помѣщика, появляется агентъ одного торговаго общества для скупки хлѣба, тоже бывшій студентъ, другъ и товарищъ по школѣ жениха дѣвушки. Онъ слышитъ все это; слышитъ о преслѣдованіяхъ дѣвушки отцомъ и помѣщикомъ и, заочно уважая эту дѣвушку, какъ невѣсту своего друга, увѣренный, что она не можетъ быть плохой женщиной, знакомится съ нею и предлагаетъ спасти ее отъ двойного преслѣдованія: увезти и жениться. Жениться потому, что нѣтъ другого выхода, а про настоящаго жениха ничего не слышно, несмотря на всѣ справки въ Петербургѣ, куда онъ уѣхалъ, — нѣтъ надежды увидать его. Дѣвушка рѣшается и бѣжитъ со своимъ спасителемъ. Они живутъ нѣкоторое время, видятъ въ себѣ честныхъ людей и начинаютъ любить другъ друга, какъ вдругъ является настоящій женихъ... Онъ, оказывается, долго лежалъ больной на станціи, гдѣ-то въ глухой деревушкѣ, далеко отсюда... Писалъ тысячи писемъ, не получая никакого отвѣта, — и вотъ онъ является, какъ является женихъ къ Лючіи Ламермуръ... Она же?.. Она, конечно, его любитъ, старая любовь вспыхиваетъ сильнѣе новой, но она вмѣстѣ съ тѣмъ любитъ и своего мужа, а мужъ ея любитъ ихъ обоихъ... *Разрѣшите?!*

Сценически удачны въ этой комедіи роли богатаго помѣщика, котораго игралъ *Жуковъ*, и одного чиновника — агента этого помѣщика по устройству всѣхъ комплотовъ противъ дѣвушки, котораго игралъ *Муравскій*, и оба они — надо имъ отдать честь — играли хорошо, особенно Муравскій [1]).

Но, изображая такое положеніе въ комедіи, какъ относился къ этому вопросу самъ Чернышевскій, какъ мыслитель? Это онъ высказалъ категорически: вся эта, такъ называемая поэтами, нѣжная страсть, т.-е. любовь и всѣ страданія отсюда, все это для мыслящаго человѣка — пустяки. И всякій, кто уважаетъ въ себѣ нравственную, а не животную сторону, въ эксцессахъ долженъ удержаться, уступить, — вообще какъ окажется нужнымъ, — но

---

[1]) Это категорическое свидѣтельство совершенно расходится съ не менѣе категорическимъ утвержденіемъ П. Ѳ. Николаева: „Къ сожалѣнію, въ пьесахъ Н. Г. не сыгралъ *ни одной* роли высокоталантливый комикъ, извѣстный Митрофанъ Даниловичъ Муравскій“. Кстати, возбуждаетъ недоумѣніе и другое замѣчаніе г. Николаева, будто „комедія: „Другимъ нельзя“ и „Великодушный мужъ“ — одна и та же пьеса“, тогда какъ между ними нѣтъ ровно ничего общаго. См. стр. 255 упомянутой выше первой части X тома „Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевскаго“, гдѣ приведено письмо г. Николаева къ издателю, М. Н. Чернышевскому, съ сообщеніемъ свѣдѣній относительно лицъ, исполнявшихъ роли въ пьесахъ Н. Г. *Э. П.*

отнюдь не распускать себя и не лѣзть на стѣну, ни въ себѣ, ни въ другихъ не потакать животнымъ инстинктамъ. Вообще же, отъ всѣхъ этихъ мукъ любовныхъ легко воздержаться, если человѣкъ неглупъ и, тѣмъ болѣе, если онъ имѣетъ къ тому же еще какой-нибудь общественный интересъ или даже просто интересъ частныхъ дѣлъ. Да большинство людей собственно такъ и поступаетъ, и эти вопросы далеко не составляютъ для нихъ камня преткновенія.

Чернышевскій былъ увлекательный разсказчикъ. Въ этой сферѣ онъ проявлялъ особенный талантъ: всѣ разсказы его вставали предъ вами картинами и образами, а это—ясный признакъ того, что художникъ пробудилъ въ васъ величайшій интересъ своими разсказами, вызвалъ ваше воображеніе во всей его силѣ, и лица его разсказа стали для васъ какъ бы видѣнными вами, вполнѣ реальными. Я не буду передавать всѣ его мелкіе разсказы собственно изъ обиходной жизни и касающіеся или его литературныхъ знакомствъ, или воспоминаній изъ его дѣтства. Я, собственно, и не имѣлъ ихъ въ виду, а говорю про разсказы вымышленные, про повѣсти, которыя онъ не писалъ, да и не думалъ писать; но когда онъ говорилъ, — онъ имѣлъ привычку держать предъ собою или книгу, или листъ бумаги, — иллюзія была полная: вы были увѣрены, что онъ читаетъ, а не говоритъ отъ себя. Не только сцены, но цѣлыя картины природы, анализъ чувствъ людей до того были полны, до того художественно закончены, что не вѣрилось, чтобы человѣкъ могъ слѣдить за всѣмъ этимъ только въ своей фантазіи, не дѣлая невольныхъ скачковъ и перерывовъ изустнаго разсказа. Такъ, особенно милъ былъ разсказъ изъ деревенской жизни, основанный на народномъ повѣрьи объ *огненномъ змѣѣ*, который летаетъ къ тоскующимъ женщинамъ въ образѣ ихъ отсутствующихъ мужей или любовниковъ. Такія свѣжія и простыя картины этой жизни были только у Гоголя. Понятно, что о передачѣ такихъ разсказовъ своими словами не можетъ быть и рѣчи.

Другой разсказъ былъ уже гораздо сложнѣе и изъ иной сферы,— изъ сферы средняго класса людей губернскаго города, примѣрно начала 50-хъ годовъ. Центръ тяжести разсказа лежалъ въ томъ, что одинъ образованный молодой человѣкъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ убилъ своего знакомаго, тоже очень хорошаго человѣка, и не чувствовалъ отъ этого угрызеній совѣсти, и всѣ этого убійцу считали за прекраснаго человѣка, какимъ онъ на самомъ дѣлѣ и былъ. Обстоятельства такъ сложились. И здѣсь я долженъ передать фабулу разсказа. Разсказъ прелестенъ,—прелестенъ и въ художественномъ отношеніи, помимо анализа характеровъ всѣхъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ, особенно характера героя,—характера крайне оригинальнаго, котораго я не встрѣчалъ ни въ одной литературѣ, но, пожалуй, это—характеръ спеціально русскій; только русская жизнь создаетъ такіе характеры. Пусть мнѣ простятъ: изложу какъ умѣю, оговариваясь, что въ моемъ изложеніи читатели едва ли найдутъ и слабый отблескъ оригинала.

Въ одномъ изъ поволжскихъ губернскихъ городовъ живетъ чиновничья семья средней руки. Вся она состоитъ изъ отца, матери и двухъ взрослыхъ дѣтей: дочери, лѣтъ 20-ти, и сына, лѣтъ 22—23, который оканчиваетъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Сынъ-студентъ очень внимателенъ къ своей семьѣ: онъ при всякомъ случаѣ высылаетъ подарки сестрѣ или матери, что крайне радуетъ его родителей; только онъ не можетъ бывать у нихъ на каникулахъ,—онъ въ это время занятъ уроками,—и тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ они ожидаютъ его скораго пріѣзда по окончаніи курса,—пріѣзда въ ихъ родное гнѣздо, можетъ быть, навсегда, на службу. И сынъ, наконецъ, пріѣзжаетъ. Домашніе въ первое время даже стѣсняются его въ своихъ разговорахъ, въ своихъ привычкахъ; они слыхали уже, что теперешняя молодежь многое осуждаетъ, многому не вѣритъ и живетъ иначе, чѣмъ они—старые люди. Но сынъ, кажется, скоро входитъ въ унисонъ ихъ жизни; онъ ни надъ чѣмъ не смѣется, ничѣмъ не шокируется и даже соглашается со всѣми ихъ планами, которые они несмѣло развиваютъ на счетъ его будущей жизни. Да, онъ будетъ тутъ служить (вотъ блаженство для родителей!); онъ, вѣроятно, и женится (отчего же и не такъ?); они будутъ жить вмѣстѣ или и разными семьями, но въ одномъ городѣ. Конечно, являются разные родные и знакомые посмотрѣть на новаго пріѣзжаго, и всѣ очаровываются имъ: онъ такъ мило разсуждаетъ со старушками, входя во всѣ печали и радости ихъ мелкой жизни; онъ такъ солидно говоритъ съ мужчинами, выслушивая со вниманіемъ всѣ огорченія (радостей тутъ не бываетъ) ихъ служебной жизни... Онъ видитъ, что это—народъ, по большей части, добродушный, даже не безличный, но только они всѣ идутъ въ тѣсныхъ рядахъ бюрократической арміи, и ихъ отношеніе къ старшимъ можетъ быть только одно—слѣпое повиновеніе. И его отецъ—онъ тоже не выдается изъ ихъ числа, хотя человѣкъ и неглупый, даже могущій серіозно критиковать строй своей служебной жизни. Но зачѣмъ и критиковать его, когда измѣнить невозможно? Надо только, насколько возможно, обходить въ ней, въ этой служебной жизни, пропасти и западни, грозящія совѣсти и человѣческому достоинству. Сестра молодого человѣка—дѣвушка, способная къ развитію; она уже ярче, чѣмъ другіе, понимаетъ окружающую ее жизнь, она и относится горячѣе къ ея неправдамъ. Но и на нее провинціальная среда наложила свою печать, и она едва ли будетъ бороться противъ неправдъ этой жизни. Эта дѣвушка влюблена въ одного весьма образованнаго молодого человѣка, глубоко впечатлительнаго, но который пьетъ *горькую* и живетъ съ какою то невообразимо распутною и грязною цыганкою. Его выходящее изъ уровня образованіе и впечатлительность именно и были причиной такой жизни. Онъ сознательно началъ эту оргію, съ быстротой гоня себя въ чахотку и могилу, и вотъ на краю могилы онъ встрѣтилъ эту дѣвушку и полюбилъ ее тоже. Дѣвушка настолько проницательна, чтобы понять причину его безобразной жизни, и настолько честно смѣла, чтобы сказать ему, что она

знаетъ его жизнь, но знаетъ также, что и безобразія ему нужны не ради самихъ безобразій, что онъ все это можетъ легко бросить. Она открывается въ своей любви къ этому несчастному человѣку своему брату, и они вмѣстѣ рѣшаются подѣйствовать на него. Но онъ отказывается отъ счастья; онъ говоритъ, что и поздно, да и грязь не такъ легко отмывается отъ человѣка, даже отъ такого, котораго загрязнили другіе, сама жизнь. Онъ отказывается со всей страшной мукой добровольнаго отреченія отъ счастья жить съ любимой женщиной и еще быстрѣе спѣшитъ дожить свою жизнь...

Какъ трудно излагать и сцены, полныя драматизма, и тонкій анализъ характеровъ! Мнѣ уже и на этихъ строкахъ хотѣлось нѣсколько разъ оставить разсказъ объ этой повѣсти. Выходитъ и многословіе, и неровность въ частяхъ. Доскажу побыстрѣе.

Братъ молодой дѣвушки знакомится съ однимъ семействомъ. Это—богатое семейство бывшаго виннаго откупщика, доживающаго теперь безъ дѣлъ. У него двѣ дочери на возрастѣ, красивыя дѣвушки, но про которыхъ ходятъ такіе страшные разсказы, что онѣ совершенно являются Мессалинами провинціальнаго городка. Разсказы эти, какъ говорится, притча во языцѣхъ города, ихъ знаютъ всѣ и, конечно, герой этой повѣсти. Тѣмъ не менѣе онъ женится на старшей изъ этихъ сестеръ. Конечно, его родители еще до свадьбы въ ужасномъ отчаяніи. Онъ и самъ не утѣшаетъ ихъ. Онъ говоритъ банальныя фразы: что же, молъ, дѣлать, если онъ влюбленъ? дѣвушка, вышедши замужъ, можетъ, молъ, и перемѣниться и сдѣлаться хорошей женой. Онъ даже не защищаетъ свою невѣсту... Въ то же время одинъ пріятель молодого человѣка также старается разстроить эту свадьбу. Когда въ городѣ дѣлается извѣстнымъ, что свадьба готова состояться, молодой человѣкъ и его другъ случайно встрѣчаются на бульварѣ уже довольно поздно, почти ночью. Дѣло происходитъ зимой. Они вступаютъ въ разговоръ, который все дѣлается откровеннѣе, и пріятель, пользуясь такимъ оборотомъ разговора, заводитъ рѣчь о его женитьбѣ. Онъ проситъ выслушать себя, позволить предостеречь его отъ страшнаго шага... Онъ говоритъ, что разсказы о похожденіяхъ этой дѣвушки вовсе не выдумка, и, когда молодой человѣкъ вовсе не отвѣчаетъ ему, говоритъ, наконецъ, что онъ самъ находился въ связи съ его невѣстой и долженъ былъ разойтись съ ней единственно благодаря ея распутству. Въ это время они вмѣстѣ сидятъ на лавочкѣ бульвара, и молодой человѣкъ изъ пистолета, который онъ носилъ отъ нападенія собакъ, въ високъ, въ упоръ, стрѣляетъ въ своего друга. Кругомъ никого нѣтъ... Онъ беретъ трупъ на себя, спускается съ бульвара къ рѣкѣ, которая тутъ же близко, опускаетъ трупъ въ прорубь и, никѣмъ незамѣченный, уходитъ домой. Въ концѣ концовъ, онъ женится и вводитъ свою жену въ домъ своихъ родныхъ. Тѣ сначала, конечно, смотрятъ на нее, какъ на нѣкоего страннаго звѣря, и чуть не ждутъ, что вотъ не нынче-завтра у нихъ въ домѣ заведется цѣлый цыганскій таборъ, но... слава Богу, ничего не заводится. Молодая женщина живетъ, какъ и всѣ, не давая

пищи никакимъ подозрѣніямъ. Очевидно, она любитъ мужа, и онъ ее любитъ...

На этомъ прерывается разсказъ, но, если хотите, онъ и конченъ. Конченъ потому, что характеръ героя и окружающихъ его лицъ опредѣлился вполнѣ (конечно, не въ моей передачѣ). Этотъ характеръ опредѣляется въ сценахъ разсказа,—характеръ прямо противоположный всей его окружающей жизни, по принципамъ прямо враждебный этой жизни, но высказывающійся не въ мелочахъ и словахъ, а только въ поступкахъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обставляющій свои поступки такъ, что съ ними, въ концѣ концовъ, мирятся и не находятъ въ чемъ сдѣлать ему упрекъ, а тѣмъ болѣе преслѣдовать его, какъ своего врага,—врага всѣмъ своимъ преданіямъ. Такъ, напр., герой этого разсказа незамѣтно и безъ шума отвоевываетъ себѣ въ своей семьѣ право свободы совѣсти, т.-е. попросту право не ходить въ церковь и не исполнять прочихъ религіозныхъ обрядовъ, и всѣ привыкаютъ къ этому. Такъ же онъ пріучаетъ своихъ домашнихъ забыть и прошедшее своей жены.

Я упомянулъ, что это типъ, должно быть, спеціально русскій: съ одной стороны—характеръ, привыкшій понимать, что лбомъ стѣны не прошибешь, т.-е. стѣны предразсудковъ, но, гдѣ можно, игнорирующій эту стѣну, гдѣ—показывающій ей всѣ знаки наружнаго почтенія, а гдѣ надо—хладнокровно, безъ шума, подводящій подъ нее мину; съ другой стороны—эта самая стѣна, эта среда мирится съ человѣкомъ, поступки котораго идутъ совершенно въ разрѣзъ съ ея поступками, но который только имѣетъ тактъ не оскорблять ея, чѣмъ и приводитъ ее къ тому, что она безъ ужаса смотритъ на паденіе всѣхъ своихъ преданій въ лицѣ другого. Это канунъ паденія старыхъ преданій, старой жизни. Въ слѣдующій періодъ эта среда уже выступитъ на послѣднюю смертельную борьбу, хотя она уже заранѣе сама приготовила себѣ пораженіе и сама себѣ вырыла могилу, но тѣмъ ожесточеннѣе будетъ борьба на краю могилы...

Такимъ образомъ, по духу, эта повѣсть непосредственно примыкаетъ къ той трилогіи большихъ романовъ Чернышевскаго, о которой я хочу говорить теперь; она составляетъ какъ бы введеніе въ эти романы и изъ тайниковъ борьбы индивидуальной души вводитъ въ слѣдующую стадію, стадію общественной борьбы и болѣе широкихъ интересовъ. Эти романы называются: «Прологъ къ прологу», «Дневникъ Левицкаго» и «Прологъ». Задуманы и начаты они были Чернышевскимъ еще въ Кадаѣ въ 1865 г., но окончены лишь въ 1868 г. въ Александровскомъ заводѣ. Изъ нихъ только «Прологъ къ прологу» напечатанъ за границей [1]).

Всѣ три романа соединены между собою общностью лицъ, въ

---

[1]) Нынѣ первыя двѣ части трилогіи: „Прологъ пролога“ и „Дневникъ Левицкаго“, подъ общимъ заглавіемъ: „Прологъ. Романъ въ двухъ частяхъ“, помѣщены въ первой части X тома „Полн. собр. сочиненій“ Чернышевскаго и, сверхъ того, выпущены отдѣльнымъ изданіемъ (Спб. 1906). *Э. П.*

нихъ дѣйствующихъ, и дѣйствіе въ нихъ совершается непрерывно въ продолженіе примѣрно пяти лѣтъ: съ половины 50-хъ до начала 60-хъ годовъ. Въ нихъ рисуется и провинціальная жизнь Россіи въ концѣ Крымской войны, и Петербургъ въ самый оживленный періодъ созванія губернскихъ депутатовъ по крестьянскому вопросу.

«Прологъ къ прологу» открывается сценой на почтовой станціи, гдѣ встрѣчаются студентъ петербургскаго университета, математикъ, ѣдущій, по окончаніи курса, къ себѣ на родину, въ одинъ изъ поволжскихъ губернскихъ городовъ, и богатый помѣщикъ той губерніи, ѣдущій въ Петербургъ. Студентъ занятъ только своей наукой, не знаетъ совершенно Россіи и съ удивленіемъ находитъ во встрѣтившемся помѣщикѣ человѣка совершенно европейскаго образа мыслей, говорящаго о неизбѣжности крестьянской реформы и горячо сочувствующаго освобожденію крестьянъ. Онъ и ѣдетъ въ Петербургъ съ цѣлью разузнать кое-что въ этомъ направленіи и, между прочимъ, найти себѣ хорошаго учителя для дѣтей. Это и есть тотъ помѣщикъ, который приглашаетъ для этого Левицкаго и въ деревнѣ котораго Левицкій ведетъ свой дневникъ. Въ картинахъ жизни губернскаго города рисуется одно семейство доктора съ замѣчательно энергической дѣвушкой, его дочерью. Съ нею студентъ знакомится, кажется, на пожарѣ, и она потомъ становится его женой. Очевидно, что въ этихъ двухъ лицахъ, студента и дочери доктора, Чернышевскій изображаетъ себя и свою жену. Это еще яснѣе становится въ третьемъ романѣ, въ «Прологѣ», когда этотъ же студентъ уже въ Петербургѣ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ одного журнала, и въ домѣ его постоянно собирается кружокъ литераторовъ, молодежи, военныхъ и либеральныхъ пріѣзжихъ помѣщиковъ. Далѣе, какъ большой эпизодъ этого романа, рисуется бунтъ государственныхъ крестьянъ, возникающій за оттягательство у нихъ земли богатымъ сосѣднимъ помѣщикомъ. Дѣло разсказывается подробно, со всѣми его перипетіями отъ хожденія ходоковъ къ начальству до открытаго возстанія и усмиренія мѣстными властями и военной командой.

«Дневникъ Левицкаго» начинается еще въ Петербургѣ. Онъ начинается описаніемъ чувствъ автора дневника, которыя онъ питалъ къ одной молодой дѣвушкѣ,—кажется, крѣпостной, живущей на оброкѣ. Онъ передаетъ разсказы этой дѣвушки изъ ея прошлой жизни въ барскомъ домѣ своихъ господъ. Левицкій страстно увлеченъ этой дѣвушкой, но сознаетъ, что это увлеченіе, съ одной стороны,—жалость къ настрадавшемуся существу, съ другой—чисто животная страсть молодой натуры... Дневникъ продолжается въ домѣ помѣщика, о которомъ я сказалъ выше. Тамъ рисуется семья этого помѣщика, семья истинно гуманная, съ честными убѣжденіями, и особенно выставляется прекрасная личность дѣвушки, дочери этого помѣщика. Левицкій описываетъ сосѣдей-помѣщиковъ, городскихъ чиновниковъ, съ которыми онъ случайно знакомится при поѣздкѣ въ губернскій городъ по какому то по-

ручения помѣщика. Тутъ рисуется одна веселая и задорная дѣвушка, любовница полицмейстера, которая, противъ правилъ чинопочитанія, увлекается авторомъ дневника. Всѣ эти лица такъ живы подъ живымъ и остроумнымъ перомъ Левицкаго, но интересъ къ всѣмъ имъ увеличивается еще тѣмъ, что время дневника — самое интересное время во всей русской исторіи. Это—время, когда слухи и толки объ освобожденіи крестьянъ увеличивались съ каждымъ днемъ и волновали до дна деревенскую и провинціальную среду. Такимъ съ внѣшней стороны «Дневникъ Левицкаго», въ которомъ подъ этимъ именемъ Чернышевскій изображаетъ Добролюбова. Поэтому, вы поймете, какъ трудно передать самую душу дневника, тѣ черты, которыя рисуютъ самого автора дневника, Левицкаго-Добролюбова, такъ глубоко любимаго Чернышевскимъ. Изъ этого дневника на васъ глядитъ натура страстная, съ сильнымъ умомъ, — натура, не допускающая раздѣленія слова отъ дѣла, сурово строгая въ исполненіи того, что считаетъ своимъ долгомъ, и вмѣстѣ мягкая и отзывчивая къ чужому горю...

Въ третьемъ романѣ, въ «Прологѣ», всѣ главныя лица предыдущихъ романовъ ѣдутъ въ Петербургъ. Ѣдетъ помѣщикъ, у котораго живетъ Левицкій, спеціально затѣмъ, чтобы, пользуясь связями со многими сильными міра, повліять на крестьянскую реформу. Ѣдетъ Левицкій, полный надежды на зарождающуюся зарю новой жизни. Ѣдетъ и студентъ, поступившій было въ учителя мѣстной губернской гимназіи, но вызванный въ редакцію журнала,—ѣдетъ, по его словамъ, чтобы быть благороднымъ свидѣтелемъ у своихъ друзей. Начинается въ самомъ дѣлѣ прологъ, увертюра великой оперы, — увертюра, содержащая мотивы всѣхъ тѣхъ арій, которыя заучатъ и въ наши дни. И кто скажетъ, въ какомъ еще актѣ лицедѣйствуемъ мы теперь? Разсказать внѣшнюю сторону романа — это значитъ не сказать ничего. Да внѣшней стороны у этого романа и нѣтъ. Все дѣло во внутреннемъ содержаніи: въ идеяхъ и борьбѣ современнаго общества. Тутъ всѣ борются; не надѣются или ожидаютъ только, а непремѣнно борются. Нѣтъ ни одного человѣка безъ оружія. Какое это оружіе — это другой вопросъ, но всѣ вооружены. Въ этомъ и все величіе этой небывалой эпохи въ нашей жизни,—эпохи исключительной, которая, вѣроятно, и не повторится; по крайней мѣрѣ, не повторится съ тѣмъ же характеромъ сильнаго возбужденія и, если можно такъ выразиться, при слишкомъ сильномъ недостаткѣ пороха.

Я сказалъ, что тогда всѣ имѣли оружіе. Въ большинствѣ этимъ оружіемъ была литература. Не было не только кружка, но и слоя общества, гдѣ бы не интересовались этой литературой и гдѣ бы, по поводу поднятыхъ ею вопросовъ, не возникало такихъ ожесточенныхъ состязаній, какихъ уже не было никогда послѣ. И эти состязанія производились не учащеюся молодежью, нѣтъ, а людьми вполнѣ солидными и пожилыми, или хоть и молодыми, но имѣвшими общественное положеніе. Все образованное общество того времени желало и освобожденія крестьянъ, и конституціи, но бо-

лѣе верхніе слои этого общества хотѣли освобожденія крестьянъ полегче и конституціи поуже, для собственнаго употребленія. Другой слой желалъ и освобожденія крестьянъ пошире, и конституціи пошире, для общаго употребленія. Но того и другого, какъ я уже сказалъ, желали всѣ. Однако, въ средѣ того же общества были люди,—тогда ихъ было мало,—которые видѣли, что желанія этого общества до нѣкоторой степени очень платоничны; что если его желанія и искренни, то само оно не сорганизовано въ такой степени, чтобы изъ этихъ желаній могло что-нибудь выйти; что, наконецъ, и желанія то его далеко недостаточны для того, чтобы изъ нихъ вышло что-нибудь полезное, будь они и осуществлены. И эти люди заявили и свои желанія, и свои мѣры къ ихъ осуществленію. Такіе люди въ этомъ романѣ—Левицкій и Соколовскій и отчасти сотрудникъ журнала, бывшій студентъ-математикъ. Люди широкихъ либеральныхъ стремленій — это богатый помѣщикъ, у котораго въ деревнѣ жилъ Левицкій; изъ типовъ аристократическихъ конституціонистовъ—это одинъ сановникъ въ романѣ, присутствующій на обѣдѣ богатаго помѣщика и котораго этимъ обѣдомъ, какъ великаго сластолюбца, склоняютъ подать свой голосъ за болѣе либеральную партію въ комитетѣ по крестьянскимъ дѣламъ. Сценъ этого обѣда, а также сценъ споровъ Соколовскаго [1]) съ генералами о соціализмѣ въ военныхъ кружкахъ я не буду передавать, ибо эти сцены не передаваемы. Нужно ихъ слышать или читать самому, чтобы понять всю ихъ прелесть и хохотать до слезъ отъ ихъ юмора. Я здѣсь разскажу только о Сѣраковскомъ, т.-е. о томъ лицѣ, которое въ этомъ романѣ выведено подъ именемъ Соколовскаго. Я передамъ такъ, какъ слышалъ объ этомъ отъ Чернышевскаго.

Въ 1848 г., студентомъ кіевскаго университета, Сѣраковскій пріѣхалъ на рождественскіе каникулы на свою родину въ подольскую губернію. Въ это время среди мѣстнаго польскаго дворянства шла большая агитація, замышлялось новое возстаніе, надѣялись на помощь изъ Галиціи. Сѣраковскому, несмотря на его молодость, предложили отправиться въ Галицію вести переговоры объ этомъ,—предложили какъ человѣку, который сразу своимъ умомъ завоевалъ общее къ себѣ уваженіе и возбуждалъ надежду, что посольство можетъ быть имъ выполнено съ большимъ успѣхомъ передъ всѣми. И Сѣраковскій, прямо изъ собранія въ одной помѣщичьей усадьбѣ, отправился въ путь съ однимъ евреемъ, который хотѣлъ доставить его заграницу контрабанднымъ путемъ. Но объ этомъ какъ то было донесено, Сѣраковскаго схватили на границѣ и препроводили прямо въ Петербургъ. Въ какой то военной комиссіи, которой поручили разобрать это дѣло, Сѣраковскій велъ себя

---

[1]) Странно, что въ „Восточномъ Обозрѣніи“ (1905, № 264) къ данному мѣсту текста сдѣлана вставка, вовсе автору не принадлежащая и совершенно неправильная: „т. е. Добролюбова“, тогда какъ тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, у автора ясно сказано, кто именно выведенъ подъ именемъ Соколовскаго. Кромѣ того, выше полсчено, что Добролюбовъ изображенъ подъ именемъ Левицкаго. *Э. П.*

сдержанно, но, тѣмъ не менѣе, въ яркихъ краскахъ изобразилъ угнетенное положеніе польскаго общества и, благодаря этому угнетенію, всегдашнюю готовность этого общества къ взрывамъ; объяснилъ, въ чемъ нуждается особенно это общество, что именно могло бы его успокоить и привязать къ коронѣ. Эта картина общества, нарисованная такъ ярко и убѣдительно, и желанія молодого человѣка, такія умѣренныя, произвели большое впечатлѣніе на его судей. Они увидѣли, что онъ человѣкъ очень умный, а какъ его желанія, такія умѣренныя, могутъ имѣть большую популярность въ средѣ польскаго, да и русскаго, общества, то, хотя и не открывъ за нимъ никакой особенной вины, рѣшили считать его за человѣка весьма опаснаго, котораго слѣдуетъ отправить подальше. И Сѣраковскій былъ сосланъ въ солдаты въ Оренбургскіе линейные баталіоны. Тамъ, ко всѣмъ тягостямъ солдатской субординаціи Николаевскаго времени, для Сѣраковскаго присоединилось еще то, что начальство особенно усердно слѣдило, чтобы онъ всей этой субординаціи подчинялся въ точности. Послабленій по строевой службѣ и казарменной жизни ему не было сдѣлано никакихъ, а, напротивъ, слѣдили за нимъ съ особеннымъ вниманіемъ, въ точности ли онъ исполняетъ свои служебныя обязанности. Такъ длилось дѣло до пріѣзда ревизующаго генерала. Генералъ дѣлалъ смотръ. Ему сейчасъ же донесли, что въ рядахъ находится солдатъ изъ политическихъ преступниковъ. Генералъ прямо подошелъ къ Сѣраковскому, долго смотрѣлъ на него, не говоря ни слова, и, наконецъ, произнесъ: «читайте пунктики», т.-е. катихизисъ объ обязанностяхъ солдата. Сѣраковскій нарочно общесолдатскимъ манеромъ, какъ бы безъ всякаго пониманія того, что говоритъ, началъ.

— Стойте! — закричалъ генералъ. — Стойте! Читайте снова, опять!

Сѣраковскій началъ снова и тѣмъ же способомъ.

— Какъ же, какъ же это можно образованному человѣку?... И зачѣмъ вы мнѣ это отвѣчаете?—залопоталъ генералъ, не зная, какъ выразить боровшіяся въ немъ человѣческія чувства и сообразить ихъ съ требованіями военной субординаціи.

— Возьмите, возьмите его изъ строя! приказалъ генералъ и потомъ, послѣ смотра, долго толковалъ съ Сѣраковскимъ. Съ тѣхъ поръ Сѣраковскому стало полегче жить въ солдатахъ.

Въ началѣ новаго царствованія, онъ былъ произведенъ въ офицеры, тотчасъ же уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ военную академію. По окончаніи курса въ ней, онъ, какъ лучшій, былъ отправленъ за границу съ какой то спеціальной военно-технической цѣлью. Въ Англіи онъ познакомился съ Пальмерстономъ, чрезвычайно ему понравился, и Пальмерстонъ даже представилъ его королевѣ Викторіи. Когда въ 1863 г. ковенская партія инсургентовъ, въ которой Сѣраковскій состоялъ начальникомъ, была разбита и самъ Сѣраковскій взятъ въ плѣнъ и присужденъ къ повѣшенію въ Вильнѣ, то Пальмерстонъ уговорилъ королеву написать

о Сѣраковскомъ къ императору Александру II. Получивши письмо Викторіи, императоръ послалъ Муравьеву телеграмму не приводить въ исполненіе казни надъ Сѣраковскимъ, но, хотя телеграмма и была получена еще до казни, Муравьевъ отвѣчалъ, что телеграмма опоздала, и повѣсилъ Сѣраковскаго.

Сѣраковскій былъ самымъ близкимъ человѣкомъ въ кружкѣ «Современника», хорошимъ другомъ Добролюбова и раздѣлялъ всѣ убѣжденія послѣдняго.

Былъ еще одинъ романъ у Чернышевскаго—послѣдній, который я знаю—задуманный имъ, можетъ-быть, и ранѣе, но начатый только въ 1869—1870 годахъ въ Александровскомъ заводѣ; этотъ романъ далеко еще не былъ оконченъ, и авторъ продолжалъ писать его на Вилюѣ и, не окончивши, долженъ былъ истребить по обстоятельствамъ, которыя я разскажу при описаніи его вилюйской жизни. Этотъ романъ есть также продолженіе трехъ предыдущихъ. Дѣйствіе его открывается съ 1862—1863 годовъ. Въ финалѣ событій, которыми кончается романъ «Прологъ», ни одна группа лицъ, ни представители этихъ группъ не остаются удовлетворенными этими событіями и оставляютъ сцену съ желаніемъ продолжать борьбу и противъ общаго порядка, и другъ противъ друга. Неудовлетворенныя желанія становятся острѣе, и борьба должна стать серіознѣе; но поэтому то у честныхъ партій, замѣшавшихся въ борьбу, и союзниковъ становится менѣе. Они должны начинать какъ будто снова, какъ будто еще ничего не было начато. Прежняя несорганизованная масса либеральныхъ кружковъ становится въ сторону отъ борьбы, и центръ тяжести борьбы переносится въ ряды молодежи. Тутъ еще является новый усложняющій факторъ—польское возстаніе. Благовидности преслѣдованія развязываются руки, и оно начинается. Къ веснѣ 1863 года гибнутъ послѣдніе кружки русской молодежи. Болѣе крупныя личности погибли еще за годъ ранѣе. И вотъ въ эту то темную ночь наступившей реакціи одно богатое русское семейство удаляется за границу. Это—семейство того помѣщика, у котораго жилъ Левицкій. Оно состоитъ изъ жены этого помѣщика, взрослаго сына и еще двухъ-трехъ дѣвушекъ—ихъ родственницъ. Мѣстомъ жительства они выбираютъ островъ Сицилію, около Катаніи. Семейство обладаетъ большими денежными средствами и можетъ жить хорошо, открыто. Оно нанимаетъ какой-то дворецъ богатаго аристократа. Но семейство не живетъ тутъ безвыѣздно: это только ихъ зимняя дача. Оно посѣщаетъ столицы и университетскіе города Европы. Оно желаетъ познакомиться съ выдающимися учеными, политическими дѣятелями и представителями различныхъ партій. Цѣль этого семейства—сближаться съ этими людьми, сближать ихъ между собою и помогать, насколько возможно, *дѣлу* этихъ людей. Семейство надѣется, что къ нимъ скоро явятся и люди изъ Россіи, которые для нихъ, конечно, дороже ихъ иностранныхъ друзей. Но надо имѣть и этихъ: интересы могутъ быть общіе. Романъ начинается и долженъ былъ продолжаться рядомъ разска-

зовъ о лицахъ и событіяхъ, въ которыхъ заключается весь преобладающій интересъ новѣйшей Европы. Порой эти лица должны и сами являться на сцену со своими идеями и стремленіями. Тутъ есть разсказы и объ италіанскихъ Бурбонахъ; долженъ былъ явиться лично и самъ Гарибальди. Къ этому семейству, на дачу около Катаніи, заѣзжаетъ и Флурансъ, когда онъ въ 1863 г. отправляется въ Кандію сражаться за свободу грековъ. Тутъ должны являться и лица изъ Россіи. Между тѣмъ, по зимнимъ вечерамъ, въ сельскомъ уединеніи семейства, ведутся разговоры о научныхъ, политическихъ и нравственныхъ принципахъ, читаются цѣлые рефераты разными лицами изъ среды семейства и ихъ заѣзжими гостями, излагаются предположенія, планы о возможности лучшаго устройства человѣческой жизни. Романъ еще не имѣлъ отдѣльнаго заглавія, и рядъ этихъ разсказовъ назывался только «Разсказами изъ Бѣлаго Зала» (такъ называлось одно изъ залъ дачи, гдѣ обыкновенно собиралось общество). Слѣдовательно, вы видите, что въ этомъ великомъ романѣ предполагалось сконцентрировать, рядомъ съ исторически-бытовыми картинами современной Европы, все то, *«что сердце волнуетъ, что душу живитъ»* честнаго человѣка,—всѣ его лучшія мысли и надежды, ради которыхъ онъ отдаетъ и свою жизнь, ради которыхъ онъ и живетъ только и въ которыхъ *только* и видитъ *то, что стоитъ* назвать жизнью. По истинѣ *великій* долженъ былъ выйти романъ—Евангеліе и Библія современнаго человѣка. И этотъ романъ остался неоконченнымъ,—вѣроятно, потому, что онъ погибалъ два раза: разъ—большая часть—при отъѣздѣ Чернышевскаго на Вилюй и въ другой разъ—на Вилюѣ. Послѣ его второго истребленія, Чернышевскій и не упоминалъ о его продолженіи. Какая энергія не остановится передъ перспективой писать и писать, чтобы все это неминуемо погибало и погибало? Николай Гавриловичъ съ особой любовью относился къ этому своему роману, и я увѣренъ, что онъ и послѣ второй гибели его продолжалъ писать его же. Какъ бы то ни было, но горько одно, что такого романа не существуетъ и, конечно, не будетъ написано Чернышевскимъ снова. И кто другой рѣшится взяться за исполненіе такого романа, съ такимъ всеобъемлющимъ планомъ? Трудно разсчитывать, чтобы нашелся современный человѣкъ, который бы понадѣялся на свои силы и способность написать такой великій соціальный романъ. Если между этимъ романомъ и концомъ романа «Прологъ» вставите (*для хронологіи*) романъ «Что дѣлать?» то вотъ это и будетъ циклъ соціальныхъ романовъ, написанныхъ Чернышевскимъ. Николай Гавриловичъ говорилъ въ Александровскомъ заводѣ, что его еще часто прельщала мысль написать нѣчто въ родѣ романа о томъ, какъ группа русскихъ удаляется на одинъ изъ необитаемыхъ острововъ Тихаго океана [1]) съ цѣлью

[1]) Онъ я указывалъ этотъ островъ, *кажется*, изъ архипелага *Руруту*,—какъ на мѣстность земного шара, болѣе другихъ одаренную благами природы,—нарочно на такую мѣстность, гдѣ бы природа являлась человѣку не врагомъ, съ которымъ еще надо бороться, а сама—помощницей.

испробовать условія совершенно новой соціальной жизни и возрастить такое поколѣніе, которое бы уже твердой ногой встало въ этой новой жизни. Напослѣдокъ, онъ предполагалъ это ввести какъ отдѣльный эпизодъ въ «*Разсказы изъ Бѣлаго Зала*».

V.

Нѣкоторыя изъ политико-философскихъ идей Чернышевскаго.

Здѣсь я попытаюсь изложить лишь тѣ политико-философскія идеи Чернышевскаго, по предмету которыхъ онъ самъ часто любилъ вести разговоръ и на которыя самъ хотѣлъ обратить преимущественное вниманіе собесѣдника. Говоря о Чернышевскомъ, всего менѣе, конечно, можно умолчать объ этихъ его идеяхъ, хотя бы я и опасался исказить ихъ въ своей передачѣ. Найдутся, вѣроятно, и кромѣ меня люди, знавшіе Чернышевскаго въ это же время и слышавшіе отъ него тѣ же разговоры,—люди, которые тоже припомнятъ и напишутъ объ этомъ и, такимъ образомъ, исправятъ невѣрности моей передачи [1]).

Н. Г. Чернышевскій былъ убѣжденъ, что древній міръ, т.-е. греко-римское государство, палъ не отъ своего собственнаго безсилія, не отъ вырожденія, но единственно подъ ударами безпрерывно повторявшихся нашествій варварскихъ ордъ германскаго племени;—что въ послѣднія столѣтія своей жизни греко-римскій міръ имѣлъ самое цивилизующее вліяніе на свои провинціи—Египетъ, Малую Азію и особенно Галлію (Провансъ). Вездѣ развивались муниципіи, и рабство, переходя въ колонатъ, было наканунѣ своего паденія; самыя формы рабства были уже въ это время крайне мягки. Если Ювеналъ и особенно Тацитъ, этотъ римскій Ж. Ж. Руссо, такъ страшно изображали римское общество, то это и показывало, что оно наканунѣ катастрофы внутренняго обновленія, наканунѣ соціальной революціи. Если аристократія точно была такъ безнадежно испорчена, то гдѣ же и бываетъ иначе? И аристократія—не капля ли въ морѣ народа? Жизнь въ это время сосредоточивалась въ муниципіяхъ, а онѣ только еще начинали развиваться со всѣмъ блескомъ. И Чернышевскій полагалъ, что болѣе, чѣмъ на тысячу лѣтъ, былъ прерванъ прогрессъ благодаря провиденціальному, какъ думаютъ нѣкоторые историки, призванію германскихъ ордъ внести новые элементы въ жизнь общества,—элементы признанія личности, которая, какъ оказалось, съ тѣхъ поръ и начала не признаваться. Чернышевскій говорилъ, что только къ концу XVII ст. Европа едва набрела на

---

[1]) Авторъ имѣлъ здѣсь въ виду П. Ѳ. Николаева. См. книжку послѣдняго: «Личныя воспоминанія о пребываніи Н. Г. Чернышевскаго въ каторгѣ (въ Александровскомъ заводѣ) 1867—1872 гг.» М. 1906. Книгоизд. Е. Д. Мягкова «Колоколъ». Вторая библіотека, № 9. *Э. П.*

тотъ же интеллектуальный путь, который бы могъ продолжать древній міръ въ эпоху его истребленія варварами. Только Англія и Голландія въ это время—и уже позже Франція—съ трудомъ могли вступить на тотъ же путь интеллектуальнаго развитія и культуры. Да и могли ли ранѣе притти къ тому полудикія кочующія орды германскихъ племенъ, подобныя, по своей тогдашней культурѣ, теперешнимъ монгольскимъ или киргизскимъ ордамъ на границахъ Россіи и Сибири? Чернышевскій любилъ возвращаться къ данному вопросу потому, что у массы европейскихъ историковъ объ этомъ какъ разъ діаметрально противоположныя мнѣнія. Онъ также указалъ на то, какъ искаженно понимали историки (напр., Моммзенъ) древнюю жизнь;—какъ, приводя факты самихъ источниковъ, самые документы современной жизни, толковали ихъ какъ разъ наоборотъ или упускали изъ виду такія крупныя явленія, которыя совершенно иначе объясняли древнюю жизнь во времена имперіи или республикъ. Готовые выводы авторитетныхъ ученыхъ изслѣдователей уже безъ критики принимались массой популяризаторовъ и составителей учебниковъ исторіи, и, такимъ образомъ, обществу преподносилась совершенно не та исторія, какою она была на самомъ дѣлѣ.

То же явленіе происходило и у изслѣдователей новой европейской исторіи. Всѣ эти историки напирали на принципы христіанства, проникающіе европейскую исторію съ самаго начала ея полукочевого періода, а затѣмъ на событія, совершавшіяся, будто бы, подъ вліяніемъ этихъ принциповъ и вообще во имя религіозной борьбы, такъ какъ, особенно въ средніе вѣка, религія будто бы играла преобладающую роль и все совершалось подъ вліяніемъ этого стимула. Такое толкованіе событій было для Чернышевскаго особенно отвратительно своею крайнею тупостью и близорукостью. Все подтасовывалось воедино. Для современниковъ событій такое заблужденіе было бы еще простительно, но у нихъ то этого заблужденія и не существовало, а осталось оно только у господъ европейскихъ историковъ. Вотъ, для примѣра, хоть якута взять. Онъ живетъ обокъ все же сравнительно съ цивилизованнымъ, имѣющимъ свою литературу народомъ—русскими, но изъ этой цивилизаціи онъ, естественно, принялъ только самыя отвратительныя ея стороны, а изъ литературы—псалтирь, священныя исторіи и разные молитвословы; верхомъ интеллигента считаетъ попа и дьячка, вообще духовное сословіе, и образованіе измѣряетъ знаніемъ чтенія псалтири, памятованіемъ наизусть святцевъ и церковнымъ пѣснопѣніемъ. То же самое было и у полудикихъ германцевъ, которые, понятно, только и видѣли свѣта, что въ этомъ окошкѣ. Когда явились у нихъ туземные грамотеи, то послѣдніе, конечно, писали подъ вліяніемъ церковной грамотности, ибо другой и не было—все было истреблено. Но насколько проникала въ жизнь эта грамотность? Да настолько же, какъ теперь у якута. Формальная религіозность для дикаря много значитъ, но она—сама по себѣ, а жизнь—сама по себѣ. Вотъ изъ разоренныхъ областей, отъ голода, двинулись

полчища грабить Византію,—не одни рыцари, а даже еще прежде ихъ цѣлыя населенія. Ихъ истребляли и въ Венгріи, и въ Византіи, какъ саранчу, но, какъ саранча, они все же въ концѣ восторжествовали, а благочестивый лѣтописецъ записалъ, что германское племя, движимое и проч., пошло на освобожденіе Гроба Господня. Новѣйшій историкъ прочелъ эту лѣтопись и—довольно! О чемъ еще думать? На освобожденіе Гроба Господня, такъ на освобожденіе!.. Вотъ самый грубый примѣръ. Но и вездѣ историки проглядывали самый основной стимулъ движенія—экономическія условія. Вотъ на эти то условія и хотѣлъ указать Чернышевскій. Если всеобщій средне-вѣковой и дальнѣйшій грабежъ шелъ съ призываніемъ имени Господа, то отнюдь это не значило, что грабятъ изъ религіознаго принципа. Этотъ принципъ могъ быть только придиркой, притомъ ужъ слишкомъ пустой. Обѣ стороны—грабившая и та, которую грабили—хорошо понимали, въ чемъ суть, а придворный историкъ или благочестивый монахъ-лѣтописецъ, конечно, долженъ былъ описать все событіе во славу Господа, ибо и на его долю кое-что перепадало. Такъ были истреблены Вальденсы, послѣдніе остатки богатыхъ муниципій Прованса. Такъ и прожившіеся нѣмецкіе князья приняли сторону Лютера, чтобы съ легкимъ сердцемъ ограбить богатые монастыри. А съ другой стороны—и анабаптисты, и пуритане не за царство же Израиля возставали! Первымъ надо было свергнуть городскую аристократію въ германскихъ муниципіяхъ, а вторымъ—королевскую власть за налоги, разорявшіе буржуазію. Вотъ когда возставали деревенскія массы (жакерія во Франціи и крестьянскія войны въ Германіи), онѣ безъ дальнихъ околичностей заявляли, что имъ надо.

Я иллюстрирую мысль Чернышевскаго, чтобы показать, что въ корнѣ каждаго событія лежитъ экономическая нужда, которую проглядѣли историки. Чернышевскій особенно хотѣлъ указать на экономическую причину, какъ на единственный и основной стимулъ, который вызываетъ на борьбу сословія и двигаетъ массы. Какими бы разноцвѣтными перьями ни изукрашивалось желаніе, но эти перья — не суть вопроса, а только орудіе борьбы, только средство, на которое надѣются, какъ на лучшее въ данный моментъ. Что касается цѣли, то она лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ пріобрѣтеніи побѣдителемъ лучшихъ экономическихъ, а, слѣдовательно, и всякихъ условій жизни. Равнымъ образомъ, и возникновеніе различныхъ религіозныхъ сектъ и ученій Чернышевскій объяснялъ экономическими условіями, экономическими нуждами, видя въ этихъ сектахъ организацію или ассоціацію для борьбы съ противникомъ, разоряющимъ благосостояніе классовъ или массъ. Отсюда и пуритане, и анабаптисты, и лютеране, и болѣе древній манихеизмъ альбигойцевъ.

Когда намъ, товарищамъ Чернышевскаго по заключенію, объявили, въ ноябрѣ 1871 г., высочайшій указъ объ освобожденіи насъ изъ каторжныхъ работъ прежде сроковъ и назначили день отъѣзда, то мы пришли всѣ проститься къ Николаю Гаврило-

вичу. Тогда, на прощаніе, онъ высказалъ намъ нѣчто въ родѣ своего политическаго завѣщанія, надѣясь, что насъ поселятъ гдѣ-нибудь въ Иркутской губерніи и затѣмъ, черезъ короткое время, переведутъ и ближе къ границамъ Россіи, или даже возвратятъ въ самую Россію, и мы опять будемъ возвращены къ дѣйствительной жизни. О себѣ онъ думалъ, что его, вѣроятно, увезутъ въ Туруханскъ или даже и менѣе отдаленныя мѣста Енисейской губерніи, но на лучшее для себя онъ не разсчитывалъ.

Онъ говорилъ намъ, что со времени Руссо во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ европейскихъ странахъ, демократическія партіи привыкли идеализировать народъ,—возлагать на него такія надежды, которыя никогда не осуществлялись, а приводили еще къ горшему разочарованію. Самодержавіе народа вело только къ передачѣ этого самодержавія хоть Наполеону I и, неисправленное этой ошибкой, многократно передавало его плебисцитами Наполеону III. Всякая партія, на сторонѣ которой есть военная сила, можетъ монополизировать въ свою пользу верховныя права народа и, благодаря ловкой передержкѣ, стать якобы исключительной представительницей и защитницей нуждъ народа,—партіей преимущественныхъ народниковъ. Онъ, Чернышевскій, знаетъ, что центръ тяжести лежитъ именно въ народѣ, въ его нуждахъ, отъ игнорированія которыхъ погибаетъ и самъ народъ, какъ нація или какъ государство. Но только ни одинъ народъ до сихъ поръ не спасалъ самъ себя, и даже, въ счастливыхъ случаяхъ, пріобрѣтая себѣ самодержавіе, передавалъ его первому пройдохѣ. Это переданное—или не переданное, а древле благопріобрѣтенное—самодержавіе уже не такъ то легко переходитъ къ кому-либо другому. Становясь душеприказчикомъ своего народа, оно именно распоряжается имъ, какъ мертвымъ, и съ имуществомъ народа поступаетъ по своему благоусмотрѣнію. И тогда горе тому, кто захотѣлъ бы будить этого мнимо-умершаго,—вмѣшиваться въ его хозяйственныя дѣла! По пути душится и слово, и совѣсть, ибо изъ этихъ вещей выходятъ разныя пакости для власти... И какъ заключенному въ тюрьмѣ обойти своего тюремщика? Не прежде ли всего онъ единственно съ нимъ долженъ имѣть дѣло? Какой тюремщикъ, по доброй волѣ, позволитъ заключенному дѣлать воззваніе къ разрушенію тюрьмы? Конечно, формы—вещь ненадежная. Можно при всякихъ формахъ выстроить крѣпкій острогъ для трудолюбиваго земледѣльца. Съ другой стороны, быть можетъ, и хорошо, что формы ненадежны. При нихъ всегда возможна борьба партій и побѣда одной партіи другою,—и на практикѣ побѣда всегда прогрессивная. Страшнѣе—безформенное чудовище, всепоглощающій Левіафанъ. Чернышевскій еще прежде говорилъ, что не такъ бы пошла исторія нашей родины, если бы, при воцареніи Анны, партія верховниковъ восторжествовала. Ни одна партія не можетъ не дѣлиться властью ради своего же собственнаго спасенія.

Болѣе десяти лѣтъ прошло со времени нашего прощанія съ Чернышевскимъ. Многое, конечно, должно было ускользнуть изъ

памяти за это время,—тѣмъ болѣе изъ моей памяти старѣющаго человѣка, обреченнаго на непрерывную зимнюю спячку въ благословенныхъ мѣстахъ Якутіи. Поэтому, не должно думать, что я передаю мысли Чернышевскаго его собственными словами; десятилѣтняя давность—уважительная причина для того, чтобы забыть многое. Я болѣе передаю впечатлѣніе, оставшееся въ моемъ умѣ отъ его разговоровъ, и, надѣюсь, вѣрно передаю сущность мыслей Чернышевскаго, такъ какъ принципы не забываются.

Итакъ, вотъ въ чемъ, слѣдовательно, видѣлъ Чернышевскій центръ тяжести современнаго дѣйствія, хотя *принципіальный* центръ тяжести онъ указывалъ въ народѣ, въ стремленіи къ осуществленію народнаго благосостоянія. И пусть не подумаетъ кто-либо, что между этими двумя взглядами есть противорѣчіе. Это противорѣчіе только кажущееся. Чернышевскій не видѣлъ другого пути, который привелъ бы къ счастію массы. Сама исторія не давала указаній на этотъ путь; его не открыли пока ни практика, ни теорія политики. До сихъ поръ получавшій власть народъ только разрушалъ свое счастье, и партіи, даже народныя, получая власть въ свои руки, также не могли направить ее на благо народа. Но, при власти партій, все же болѣе вѣроятности сдѣлать что-нибудь въ пользу народа, чѣмъ при отсутствіи всякихъ политическихъ формъ, а слѣдовательно и всякой возможности предпринять что-либо въ указанномъ направленіи. Вотъ за эту-то вѣроятность и стоялъ Чернышевскій. Какъ и прежде, въ концѣ 50-хъ годовъ, когда указывалъ на неизбѣжность аграрнаго вопроса въ будущемъ Россіи, онъ и теперь, въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг., не ошибся, указавъ на неизбѣжность борьбы за свободу партій, за ослабленіе центральной власти. Событія самой русской жизни и ея направленіе, особенно со второй половины 70-хъ гг., оправдали мысли высокаго ума. Если онъ не надѣялся на спасеніе народа чрезъ посредство самого же народа, на его верховную власть, то кто же могъ надѣяться на это, живши въ средѣ этого народа въ началѣ 60-хъ годовъ? Не видали мы тогда въ народѣ этихъ проблесковъ, подающихъ надежду на пріобрѣтеніе имъ самимъ счастья. Много времени прошло съ тѣхъ поръ (и какого времени!). Народъ съ неудержимою быстротою стремился къ своему обѣднѣнію, завѣщанному ему реформой, и, можетъ-быть, за это тяжелое время на многое могли у народа открыться глаза, о многомъ онъ могъ передумать. Къ сожалѣнію, мы уже не были свидѣтелями этихъ послѣднихъ лѣтъ русской жизни. Мы, правда, думали и вѣрили, что такъ и должно будетъ случиться; что разореніе народа пойдетъ быстро, и быстро начнетъ понимать народъ свое положеніе. Но кто же укажетъ предѣлъ, гдѣ за сознаніемъ народомъ своего безнадежнаго положенія должно начаться дѣйствіе?

VI.

Постоянное помѣщеніе Чернышевскаго въ тюрьмѣ Александровскаго завода. Отношеніе къ Чернышевскому его товарищей по заключенію. Обиходная обстановка его жизни въ заводѣ.

Постояннымъ помѣщеніемъ Чернышевскаго въ тюрьмѣ Александровскаго завода, именуемой конторой, послѣ его взятія съ квартиры изъ села, и гдѣ мы теперь прощались съ нимъ, была небольшая, продолговатая комнатка въ одно окошко противъ входныхъ дверей,—комнатка, сдѣланная просто изъ сѣней этого дома. Съ наружнаго фасада дома было крыльцо въ нѣсколько ступеней съ небольшимъ фронтономъ, поддерживаемымъ 4-мя колоннами, и за этими колоннами—входная дверь изъ двухъ половинокъ со стеклянным верхомъ. Вотъ эту то входную дверь снаружи наглухо забили досками, а стеклянный верхъ обратили въ единственное окно, которое также забили желѣзной рѣшеткой, что, вмѣстѣ съ застиланіемъ свѣта колоннами, дѣлало комнату достаточно темною. По бокамъ этой комнаты изнутри были также двѣ двери, ведущія въ комнаты дома, также заколоченныя; за этими дверями помѣщались ссыльные поляки. Входная дверь была сдѣлана въ глухой перегородкѣ, которая была прилажена по срединѣ этихъ сѣней, а за перегородкой сѣни продолжались до другого чернаго выхода во внутренній дворъ, съ котораго теперь и было сообщеніе со всѣмъ зданіемъ.

Днемъ, за дверями комнатки Николая Гавриловича, бывало довольно шумно, потому что много ужъ очень народу было набито въ небольшомъ домѣ, въ пяти, кажется, небольшихъ комнатахъ—человѣкъ 50—60, иногда до 70-ти,—набито противъ всякихъ правилъ гигіены о нормѣ пространства. Нужно отдать честь сосѣдямъ Николая Гавриловича, что они всегда, по возможности, сохраняли тишину. Изъ обѣихъ сосѣднихъ съ Николаемъ Гавриловичемъ комнатъ они перевели всѣхъ своихъ мастеровыхъ въ слѣдующія далѣе за этими комнаты; тутъ оставались только или люди безъ особенныхъ спеціальныхъ занятій, или мастеровые безъ стука,—напримѣръ, портные. Конечно, это было сдѣлано безъ малѣйшаго какого-либо намека или просьбы со стороны Чернышевскаго. Напротивъ, слыша иногда, какъ его сосѣди унимали своихъ товарищей, хотѣвшихъ пѣть или затѣвавшихъ громкій споръ, онъ ихъ покорнѣйше просилъ не стѣсняться, а на пѣніи даже настаивалъ, такъ какъ пѣніе и музыка ему въ самомъ дѣлѣ доставляли удовольствіе. Но днемъ уже шумъ, конечно, былъ неизбѣженъ отъ самаго движенія взадъ и впередъ; за то, чѣмъ становилось позднѣе, тѣмъ болѣе товарищи Чернышевскаго по заключенію старались удерживать особенно шумныхъ своихъ товарищей, зная, что Чернышевскій вечерами, послѣ зари, когда запирали камеры, часто писалъ что-нибудь.

Въ этой тюрьмѣ изъ поляковъ жилъ все народъ болѣе простой: мастеровые, бывшіе солдаты или разные такъ называемые офиціанты, т.-е. попросту домашняя прислуга. И какъ было отрадно видѣть, что всѣ эти люди, имѣя очень смутное или, по большей части, не имѣя и никакого понятія о Чернышевскомъ, какъ писателѣ, и о его идеяхъ, были искренно расположены къ нему, любили и уважали его. Всякому хотѣлось чѣмъ-нибудь услужить ему: почистить, вымести... и уже самъ Чернышевскій едва отвоевалъ себѣ право собственноручно ставить самовары.

Мнѣ здѣсь приходитъ на умъ фактъ, хотя и посторонній, но случившійся тоже въ этой тюрьмѣ гораздо ранѣе, года за два до жительства въ ней Чернышевскаго,—фактъ, объясняющій даже нѣчто важное изъ общей политики (политики натравливанія). Дѣло заключалось вотъ въ чемъ. Еще до моего пріѣзда въ Александровскій заводъ, въ этой же тюрьмѣ между поляками были помѣщены Стахевичъ и Муравскій. Изъ поляковъ тамъ было человѣка 4—5 кіевскихъ студентовъ, съ которыми особенно сблизились наши. Стахевичъ съ ними читалъ Милля съ примѣчаніями Чернышевскаго и другія кое-какія политико-экономическія сочиненія, затѣмъ они устроили небольшую, въ количествѣ 7—8 человѣкъ, потребительную и производительную, кто что умѣлъ, коммуну. Масса заключенныхъ тогда въ этой тюрьмѣ также состояла изъ простого народа, но въ средѣ ея было еще человѣкъ съ десятокъ шляхтичей, очевидно, съ ветхозавѣтными польскими тенденціями. Вотъ эти то столпы религіи и народности и воздвигли гоненіе на кружокъ коммунистовъ своихъ и русскихъ, обвинили ихъ въ атеизмѣ, разрушеніи всѣхъ добродѣтелей и, главное, въ нарушеніи любви къ отчизнѣ, и натравили на нихъ всѣхъ товарищей-простолюдиновъ, такъ что *коммунисты*, видя въ самомъ дѣлѣ такую противъ себя всеобщую злобу, перешли въ другую тюрьму. Но послѣ Забайкальскаго дѣла этихъ шляхтичей уже не существовало: они еще ранѣе, по манифесту, были освобождены на поселеніе. Но тутъ, при Чернышевскомъ, всѣ эти простые люди безпрестанно шли къ нему за всякимъ совѣтомъ; особенно если затѣвался какой-либо принципіальный споръ и его не могли рѣшить, то послѣдняя инстанція рѣшенія возлагалась на Чернышевскаго.

Скверна эта тюрьма для Чернышевскаго была тѣмъ, что при ней былъ крайне маленькій дворъ и, конечно, по такому количеству народа, довольно зловонный, а болѣе гулять было негдѣ, какъ только на этомъ дворикѣ. Чернышевскаго не посылали на работы, куда иногда посылали насъ и поляковъ лѣтомъ,—вѣроятно, существовало предписаніе не посылать Чернышевскаго. Но эти преимущества только лишали его болѣе чистаго воздуха и возможности движенія, прогулки. Когда Чернышевскій—съ годъ, должно быть—жилъ въ заводѣ на квартирѣ, то онъ любилъ гулять часто и подолгу, забирался на высокія горы, окружающія заводъ, купался и поэтому былъ гораздо свѣжѣе и здоровѣе. Въ тюрьмѣ же, въ лишенномъ достаточнаго количества свѣта помѣ-

щеніи, ему было довольно холодно, и онъ привыкъ постоянно носить длинное пальто на мерлушечьемъ мѣху, которое надѣвалъ прямо на сорочку, и сидѣлъ всегда въ легкой барашковой шапкѣ, потому что зимой у него со всѣхъ сторонъ комнаты дуло. Да и въ самомъ дѣлѣ—какъ было не дуть между четырьмя крестъ-накрестъ дверями, между которыми ему устроили помѣщеніе!

Вотъ, какъ начинаешь вспоминать Чернышевскаго въ обиходной обстановкѣ его житья въ Александровскомъ заводѣ, то онъ встаетъ передъ тобою, какъ живой: двигается, говоритъ, волнуется. И такъ больно, такъ жалко дѣлается его, что лучше бы и не вспоминать о немъ...

Да, надо было лично знать Чернышевскаго, чтобы понять, какъ сильно можно любить его. Здѣсь умѣстно привести слѣдующія строки изъ отвѣтнаго письма одного моего товарища на мое сообщеніе ему о вилюйской жизни Чернышевскаго:

«Чего отъ себя скрывать горькую истину? Вѣдь ужъ пропалъ человѣкъ, пропалъ безнадежно! Да и какой человѣкъ? Насъ то, пусть, хоть и не жалко, хоть и мы тоже пропали,—ну, а онъ?... Положимъ, онъ не такой геній, какимъ мы всѣ, подъ вліяніемъ его личнаго блеска (онъ, вѣдь, именно лично блестящъ), считали его, но онъ страшно, поразительно талантливъ. Это—Лассаль по-своему, по-русски, даже лучше его, потому что яснѣе и безъ тѣхъ путаницъ, какія у Лассаля были... И этому свѣточу мысли—Вилюй до смерти!... Именно до смерти—въ этомъ нельзя ошибаться!»

Да, да...

Кто зналъ его—забыть не можетъ,
Тоска объ немъ язвитъ и гложетъ...
И часто мысль туда летитъ,
Гдѣ гордый мученикъ зарытъ!...
(Некрасовъ, „Несчастные", поэма).

Туда, за этотъ Стиксъ, въ эту проклятую страну смерти,—на Вилюй, и досказать о немъ послѣднія слова...

VII.

Жизнь Чернышевскаго въ г. Вилюйскѣ. Отношеніе къ Чернышевскому мѣстнаго населенія и администраціи. Послѣднія литературныя произведенія Чернышевскаго, написанныя въ Вилюйскѣ.

Прямо на западъ отъ Якутска идетъ дорога въ Вилюйскъ. Разстояніе между этими городами считается болѣе 700 верстъ. Дорога совершенно пустынна. Рѣдкія станціи, возящія только одну полицейскую почту разъ въ два мѣсяца [1]), отстоятъ другъ отъ друга на 40—60 верстъ. Дорога идетъ самой глухой тайгой. На-

[1]) Нынѣ въ Вилюйскѣ имѣется почтовая контора, и движеніе почты по Якутско-вилюйскому тракту происходитъ два раза въ мѣсяцъ. *Э. П.*

селеніе тутъ самое ничтожное, а близъ дороги нѣтъ и его, нѣтъ ни одной якутской юрты. Безконечная цѣпь озеръ и сѣть мелкихъ рѣчекъ, окруженныхъ первобытнымъ лѣсомъ,—вотъ что представляетъ весь этотъ путь. До половины этого разстоянія вы постоянно поднимаетесь на пологія террасы, которыя затѣмъ оканчиваются безлѣснымъ плато. Эта возвышенность—водораздѣлъ между рѣчками, текущими съ одной стороны плато въ Лену, а съ другой—въ Вилюй. Это—сплошная тундра, покрытая только рѣдкимъ березовымъ кустарникомъ. Если гдѣ береза достигла толщины въ руку человѣка, то уже далѣе не растетъ, гніетъ и ломается, и стволы въ 1—2 аршина вышины торчатъ повсюду между мелкой порослью. Спереди и сзади, направо и налѣво, на горизонтѣ не видно ничего, кромѣ этой безконечной тундры; лѣса остались тамъ, внизу этого плато. Нигдѣ я не видалъ мѣстности, которая бы производила такое подавляющее впечатлѣніе, какъ эта. Небо надъ всѣмъ этимъ плато имѣетъ особенно свинцовый цвѣтъ. Въ центрѣ тундры стоитъ одинокій домикъ станціи, гдѣ уже не держатъ лошадей,—ихъ нечѣмъ кормить,—а возятъ на оленяхъ. Проѣхавши отъ этой станціи верстъ 20—25, вы опять въѣзжаете въ область безконечныхъ лиственничныхъ лѣсовъ. Здѣсь вы постепенно съѣзжаете съ террасы на террасу внизъ. При приближеніи къ Вилюйску, верстъ за 20—30, однообразный лиственничный лѣсъ начинаетъ понемногу мѣшаться съ сосной, на землѣ начинаютъ попадаться налеты песку, и вотъ, прямо изъ лѣсу, вы буквально упираетесь въ какой-то заборъ. Это и есть городъ Вилюйскъ. Проплутавши минутъ пять между заборами и юртами, вы попадаете на какое-то подобіе улицы. Съ правой руки (отъ въѣзда) на этой улицѣ, церковь, за церковью—пустырь и на концѣ этого пустыря, надъ обрывами, ведущими къ берегу рѣки Вилюя, стоитъ длинная казарма, а за ней—обнесенный частоколомъ острогъ [1]).

Я съ товарищемъ [2]) пріѣхали въ Вилюйскъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля (1872 г.) и весь путь отъ Якутска совершили на саняхъ, еще по хорошей зимней дорогѣ. Но весна наступила вдругъ, въ одну ночь (такъ всегда бываетъ тутъ), вслѣдъ за нашимъ пріѣздомъ. Насъ помѣстили на квартирѣ у одного казака (собственно и все населеніе городка состоитъ изъ полусотни казачьихъ семей), и далѣе ѣхать оказалось невозможнымъ, по крайней мѣрѣ, недѣли на двѣ, на три, какъ намъ объявилъ исправникъ.

Чернышевскій былъ уже тутъ. Его привезли мѣсяца за два слишкомъ до насъ (должно быть, въ половинѣ февраля). Когда насъ въ ноябрѣ (1871 г.) отправили изъ Александровскаго (Забайкальскаго) завода, то мы думали, что Чернышевскаго еще хотятъ оставить тамъ, можетъ-быть, до окончанія срока. Только уже

---

[1]) Видъ вилюйскаго острога помѣщенъ въ майской книжкѣ „Былого“ за 1906 г. Въ 1901 г. зданіе острога было продано на сносъ, такъ какъ его начало подмывать р. Вилюемъ. Мѣстомъ заключенія этотъ острогъ пересталъ быть съ начала 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія. *Э. П.*

[2]) П. Ѳ. Николаевымъ? *Э. П.*

подъѣзжая къ Иркутску, мы встрѣтили одного чиновника, который сообщилъ намъ, что Чернышевскій провезенъ съ жандармскимъ офицеромъ еще впереди насъ (мы были съ недѣлю въ Читѣ,—вѣрно, въ это время и провезли) и что его везутъ въ Вилюйскъ. Но, пріѣхавши на Вилюй, мы еще не знали, въ какихъ условіяхъ находится тутъ Чернышевскій, и спросили исправника, можно ли его видѣть. Исправникъ отвѣчалъ уклончиво, что Чернышевскій бываетъ иногда у него,—«вы здѣсь еще поживете и можете встрѣтиться».

— Но онъ заключенъ въ острогѣ или нѣтъ?

— Нѣтъ, онъ просто живетъ въ острогѣ, потому что въ городѣ нельзя найти помѣщенія: всѣ—люди семейные и лишнихъ комнатъ не имѣютъ.

— Слѣдовательно, къ Николаю Гавриловичу можно итти въ острогъ?

— Не знаю. Въ острогѣ хозяинъ—жандармскій унтеръ-офицеръ, обратитесь къ нему.

Но обращаться къ жандармскому унтеръ-офицеру мы не хотѣли: какой то унтеръ, да еще жандармскій, и—просить его! Оказывается, мы съ товарищемъ отстали, живя въ Забайкальи, и не могли уже идти въ уровень съ вѣкомъ; не могли понять даже и потомъ, какъ это вилюйскій исправникъ—царь и Богъ для вилюйскихъ обывателей—былъ вмѣстѣ съ тѣмъ всенижайшимъ слугой жандармскаго унтера.

Къ унтеру мы не пошли, а отправились на рекогносцировку къ острогу. Увидалъ насъ, должно быть, унтеръ, вышелъ съ какимъ-то казакомъ и легъ на обрывѣ на пескѣ. Мы выбрали тоже песчаный бугоръ, съ котораго бы можно видѣть ворота тюрьмы, и тоже легли. Лежалъ-лежалъ унтеръ, и встанетъ, и пройдется, и на одномъ мѣстѣ вертится минуты три, и къ намъ сдѣлаетъ шага два, и опять осадитъ и ляжетъ. Не перележалъ насъ,—должно быть, пришелъ въ огорченіе,—и ушелъ въ тюрьму. А мы все лежимъ. Пролежали до солнечнаго заката, но ничего не видали и тоже въ огорченіи ушли домой.

На слѣдующій день, утромъ, опять вышли лежать. Унтера не видно. Мы, было, заболтались, заглядѣлись на рѣку, какъ уже далеко отъ насъ, пройдя насъ, идетъ Николай Гавриловичъ въ своей еноткѣ и очкахъ,—конечно, ничего не видитъ. Бросились мы изъ засады, кричимъ ему во все горло:

— Николай Гавриловичъ! Николай Гавриловичъ!!

Остановился, наконецъ,—протираетъ глаза.

— Не можетъ быть, да неужели вы? И васъ то сюда?

— Сюда, въ полномъ комплектѣ предоставили; только тѣхъ отправили по ту сторону Лены, а насъ—по сю.

— Знаете, я и самъ не думалъ здѣсь быть, а васъ то ужъ... Ахъ, Господи!

Николай Гавриловичъ и не зналъ, что въ то время, какъ его везли, въ иркутской тюрьмѣ сидѣлъ Лопатинъ (Германъ Александро-

вичъ), котораго обвиняли въ намѣреніи увезти Чернышевскаго; слѣдовательно, надо же было его увезти подалѣе,—но, вѣроятно, увезли бы и безъ того.

Пошелъ Чернышевскій къ намъ на квартиру, и, видимъ, выскочилъ изъ острога унтеръ и, въ смущенныхъ чувствахъ, вертится на одномъ мѣстѣ, какъ кубарь.

— Что, молъ, ваше полублагородіе, проворонилъ?

Сидѣлъ у насъ Чернышевскій долго и смутилъ начальство. Унтеръ, должно быть, ужъ донесъ исправнику. Началъ исправникъ прогуливаться около нашей квартиры, идетъ дальше, а голову все держитъ назадъ, на наши окна, даже спотыкался нѣсколько разъ.

На слѣдующій день Чернышевскій опять съ ранняго утра пришелъ къ намъ, посидѣлъ и повелъ насъ къ себѣ. Увидалъ насъ въ воротахъ унтеръ, не ожидалъ, смутился, даже позеленѣлъ весь и прижался къ стѣнѣ корридора. И во все время, пока мы до вечера были у Чернышевскаго и какъ ушли отъ него, унтера ни слуху, ни духу. Оказалось, что онъ въ это время пребывалъ у исправника и такого страху нагналъ на него, что тотъ (человѣкъ неглупый) совсѣмъ растерялся. Стерва ужасная былъ этотъ унтеръ-офицеръ,—жаль, фамилію его позабылъ, да и фамилія то какая то мерзопакостная.

Острогъ, въ которомъ помѣщался Николай Гавриловичъ, представлялъ собою домъ саженей 15 въ длину и 10 въ ширину (приблизительно). Частоколъ подходилъ къ окнамъ очень близко, сажени на двѣ, много на три. Прямо изъ воротъ частокола—крыльцо ступеней въ пять, затѣмъ двойныя створчатыя двери; за этими дверями, отступя шага три, — отъ потолка до полу деревянная, изъ толстыхъ брусьевъ, рѣшетчатая дверь; за ней—корридоръ съ тройнымъ окномъ на противоположномъ концѣ; по обѣимъ сторонамъ корридора—по три камеры. Николай Гавриловичъ жилъ въ третьей, послѣдней камерѣ, съ правой руки отъ входа; въ 1-й камерѣ справа отъ входа жилъ жандармъ, а въ средней камерѣ на лѣвой рукѣ жилъ казачій урядникъ. Въ самомъ корридорѣ, у окна, помѣщался служитель, кажется, изъ якутовъ. На каждую камеру приходилось по печкѣ, топки которыхъ были снаружи, изъ корридора. Въ камеру Николая Гавриловича вела дверь, обитая клеенкой, какъ и въ прочихъ камерахъ. На правой рукѣ стояла деревянная кровать, налѣво въ углу у двери—маленькій столикъ и поперекъ всей комнаты—большой столъ, сажени двѣ длины. Тутъ у него лежали всѣ книги, табакъ и прочія мелочи. Прямо противъ двери — два окна съ рѣшетками, очень высокихъ, но свѣту въ комнатѣ было сравнительно мало, ибо окна глядѣли прямо въ частоколъ, и изъ нихъ не виднѣлось даже и кусочка неба. Сама камера была очень сыра, такъ что Николай Гавриловичъ еще до до сихъ поръ (т.-е. въ концѣ апрѣля) не могъ сидѣть безъ валенокъ, иначе сейчасъ же начиналась ломота въ ногахъ. При этомъ острогѣ, сзади его, въ оградѣ же была еще кухня и баня.

Острогъ этотъ начали строить въ 1866 г., предполагая отпра-

вить туда насъ, каракозовцевъ. Надѣялись ли набрать для него полный комплектъ, чего не оказалось, или мы оказались недостаточно злочестивыми для помѣщенія въ этомъ острогѣ, — во всякомъ случаѣ, хвала Господу, что отъ него избавились. Постройка острога и казармы около него, говорятъ, стоила 20 тысячъ. Лѣсъ доставали съ верховьевъ Вилюя, верстъ за 600 отъ города, и точно лѣсъ хорошъ, бревна чуть не $^3/_4$ въ діаметрѣ. Передъ самымъ прибытіемъ нашимъ въ Александровскій заводъ, оттуда увезли въ этотъ острогъ Огризко (директоръ департамента министерства финансовъ) и Двожачка (доктора), гдѣ они и пробыли до конца 1871 года.

Николай Гавриловичъ сказывалъ намъ, что, примѣрно черезъ недѣлю послѣ нашего отъѣзда изъ завода, къ нему явился жандармскій офицеръ и сказалъ, чтобы онъ собирался, что ему поручено перевезти его въ другое мѣсто. Николай Гавриловичъ не сталъ, конечно, спрашивать, куда и на какихъ условіяхъ ссылки. На слѣдующее утро его вывезли. Жандармскій офицеръ (Зейфертъ) оказался человѣкомъ, въ которомъ было достаточно свинства при очень большой нѣжности чувствъ. Онъ даже везъ съ собою подругу жизни, которую было оставилъ въ Нерчинскѣ, потомъ опять захватилъ съ собою, но, не довезши до Иркутска, гдѣ то оставилъ больную. Наконецъ, въ Якутскѣ тысячи полторы продулъ въ карты и пожаловался губернатору, чтобы ему возвратили деньги. Деньги были возвращены. И вотъ такой дѣтина везъ Николая Гавриловича до Вилюйска, но Николай Гавриловичъ всю дорогу почти ничего съ нимъ и не говорилъ. По пріѣздѣ въ Вилюйскъ, Николаю Гавриловичу сказали именно то же, что и намъ сказалъ исправникъ,—что квартиры здѣсь найти нельзя, и пытаться напрасно, что въ острогѣ чисто, просторно, и что онъ, Николай Гавриловичъ, тамъ всегда свободенъ, какъ и на любой частной квартирѣ. Оказалось, хотѣли вѣжливымъ образомъ, какъ бы незамѣтно, посадить въ острогъ. Надо было принять любезное предложеніе.

Николай Гавриловичъ на Вилюй привезъ съ собою мало книгъ. Съ нимъ были только Conversation Lexicon и 3 тома атласа Брокгауза. Уже по пріѣздѣ, онъ вскорѣ получилъ Лассаля, Верморeля, Тэна и Берне, т.-е. только что вышедшіе тогда переводы этихъ авторовъ. Изъ журналовъ онъ получалъ «Вѣстникъ Европы» и «Отечественныя Записки», а изъ газетъ—«С.-Петербургскія Вѣдомости». Писать еще не начиналъ ничего. Онъ говорилъ, что, услышавши о пріѣздѣ къ нему жандармскаго офицера, онъ предполагалъ обыскъ и потому уничтожилъ свои рукописи, о чемъ, особенно объ уничтоженіи «Разсказовъ изъ Бѣлаго Зала», онъ, очевидно, очень сожалѣлъ.

— Надо писать все снова,—говорилъ онъ, — поэтому все и не принимаюсь.

Наутро послѣ посѣщенія Николая Гавриловича въ острогѣ, исправникъ насъ позвалъ къ себѣ и сказалъ намъ, что жандармъ хочетъ донести о томъ, что мы были у Чернышевскаго, и что онъ, исправникъ, опасается и самъ получить выговоръ за допущеніе

свиданія съ Чернышевскимъ, ибо относительно Чернышевскаго существуютъ весьма строгія инструкціи. Мы объяснили исправнику, что мы сомнѣваемся, чтобы не могли видѣть Чернышевскаго, имѣя возможность видѣть его каждый день въ продолженіе пяти лѣтъ сряду, только что передъ этимъ,—что, вѣроятно, все произошло отъ оскорбленнаго самолюбія жандарма, почему-де мы не просили у него дозволенія видѣть Чернышевскаго, но что мы считали унизительнымъ не столько для себя, сколько для г. исправника, просить дозволенія жандарма, когда мы только что просили его у исправника. Но исправникъ, напуганный жандармомъ, настаивалъ, чтобы мы не ходили въ острогъ, а если угодно Чернышевскому, то пусть онъ самъ посѣщаетъ насъ. Наканунѣ же мы обѣщали Чернышевскому съ утра притти къ нему, и мы сказали исправнику, что мы теперь пойдемъ къ Чернышевскому и скажемъ ему объ этомъ. Исправникъ настаивалъ, чтобы мы не дѣлали и этого, что Чернышевскій самъ подождетъ и тогда придетъ, но мы,—опасаясь пакостей жандарма, который можетъ сказать Чернышевскому, что мы уже вывезены изъ города,—пошли въ острогъ и разсказали про нашъ разговоръ у исправника. Чернышевскій вспылилъ и побѣжалъ къ исправнику. Онъ, главнымъ образомъ, стыдилъ исправника, что тотъ дозволяетъ собой командовать такому халую, какъ жандармскій унтеръ, что онъ позволяетъ ему садиться въ своемъ присутствіи, и вотъ послѣдній зазнался и пугаетъ его; что самъ Чернышевскій не можетъ глядѣть на унтера болѣе, чѣмъ какъ на лакея, приставленнаго при немъ, а тѣмъ болѣе исправникъ долженъ держать его въ субординаціи. Какъ бы то ни было, но, должно быть, Чернышевскій такъ пронялъ исправника, что тотъ не могъ ему этого забыть никогда и съ тѣхъ поръ сталъ къ нему въ самое офиціальное положеніе.

Когда, возвратясь отъ исправника, Чернышевскій еще сидѣлъ у насъ, насъ снова потребовали къ исправнику, и послѣдній офиціально объявилъ намъ, чтобы мы собирались къ мѣстамъ назначенія, что завтра утромъ будутъ присланы лошади и казаки. Мы ему представили его собственное разрѣшеніе жить въ городѣ, по малой мѣрѣ, двѣ недѣли, по невозможности проѣзда. Онъ отвѣчалъ только:

— Нельзя! Ѣхать можно, всѣ мосты исправлены. За возможность проѣзда я отвѣчаю.

Итакъ, жандармскій унтеръ-офицеръ таки напакостилъ, но онъ желалъ напакостить и впредь. Вечеромъ, въ этотъ день, послѣ ухода Чернышевскаго, къ намъ прибѣжалъ изъ острога казачій урядникъ, присланный изъ Якутска быть при Чернышевскомъ, и началъ объяснять намъ, что жандармъ—свинья, а онъ понимаетъ людей, любитъ и уважаетъ Николая Гавриловича и насъ, и если намъ будетъ угодно что писать Чернышевскому, то чтобы мы писали на его, урядника, имя или передавали ему, а онъ-де все доставитъ Чернышевскому. Думаю я, что это былъ подвохъ со сто-

роны жандарма. Откуда бы казакъ вдругъ могъ пріобрѣсть ко всѣмъ намъ столь быстро любовь и уваженіе?...

Наутро насъ отправили верхами. И мосты, и дороги точно оказались въ исправности. Мы переплывали обширныя болота на наскоро сдѣланныхъ плотахъ, держа лошадей вплавь въ поводу; переходили черезъ рѣчки по срубленнымъ при насъ же лиственницамъ, которыя, сваленныя, верхушкой едва доставали до противоположнаго берега; лошади грязли по шею и, случалось, бросались на дорогѣ, истощенныя мѣшеніемъ безпрерывной грязи. 400 верстъ, которыя мнѣ приходилось проѣхать до мѣста моего назначенія, я ѣхалъ болѣе 20 дней. Съ товарищемъ я разстался по дорогѣ въ 100 верстахъ отъ Вилюйска, гдѣ ему назначили жительство.

Мѣсяца черезъ два въ тотъ улусъ, гдѣ былъ я, выѣхалъ исправникъ. Онъ привезъ мнѣ отъ Чернышевскаго и товарища книги, но сказалъ, что письма къ нимъ отъ меня не возьметъ, ибо переписываться воспрещено. Онъ отказался даже взять записочку, что книги получены. Исправникъ сказалъ, что онъ можетъ только передать это на словахъ, но не возьметъ ни строчки писаннаго. И такъ это было во все время моего пребыванія на Вилюѣ. Въ самомъ началѣ октября, какъ только стали рѣки, явился внезапно въ домъ старосты наслега, гдѣ я жилъ, адъютантъ генералъ-губернатора (тогда Синельникова), князь Голицынъ. Онъ объяснилъ, что посланъ отъ генералъ-губернатора навѣстить всѣхъ насъ, узнать, какъ мы устроились и въ чемъ нуждаемся. На мой вопросъ, былъ ли онъ у Чернышевскаго, князь отвѣтилъ, что не былъ. Я спросилъ, видѣлъ ли онъ моихъ товарищей по ту сторону Лены и гдѣ они. Онъ сказалъ, что не видѣлъ, и солгалъ въ обоихъ случаяхъ, о чемъ я тутъ же узналъ отъ пріѣхавшаго съ нимъ изъ Якутска казака. Отъ него же я узналъ, что мой вилюйскій товарищъ еще въ августѣ переведенъ и уѣхалъ въ Верхоленскъ. Посѣщеніе князя Голицына имѣло, несомнѣнно, другую цѣль, болѣе важную, чѣмъ освѣдомленіе о нашемъ здоровьи. Тогда бѣжалъ изъ Иркутска Лопатинъ, и Голицына послали по всѣмъ намъ разыскивать, не скрывается ли онъ у кого изъ насъ. И на возвратномъ пути Голицына, въ Якутскѣ, было получено извѣстіе, что Лопатинъ пойманъ въ Томскѣ. Впрочемъ, я лично воспользовался этимъ посѣщеніемъ въ томъ отношеніи, что заявилъ Голицыну о недостаточности казеннаго содержанія (9 р. 50 к. въ мѣсяцъ). Голицынъ обѣщалъ сказать объ этомъ генералъ-губернатору, и съ тѣхъ поръ, пока я былъ на Вилюѣ, мнѣ выдавали 200 руб. въ годъ. Чернышевскому также по пути назначили по 17 р. въ мѣсяцъ,—до этого онъ получалъ ежемѣсячно по 11 р. Чернышевскій послѣ разсказывалъ, что онъ просилъ Голицына сказать Синельникову, не разрѣшатъ ли ему списаться въ Петербургѣ, чтобы ему присылали книгъ для переводовъ, и эти переводы онъ могъ бы отсылать въ Петербургъ. Голицынъ категорически заявилъ, что это желаніе Чернышевскаго не будетъ удовлетворено.

Про Николая Гавриловича до меня изрѣдка доходили вѣсти отъ

постороннихъ лицъ, что съ исправникомъ онъ живетъ не въ ладахъ (т.-е. просто самъ исправникъ на него злился), рѣдко гдѣ бываетъ, исключая одной старушки, вдовы отставного чиновника Корякиной, у которой беретъ себѣ обѣды; лѣтомъ гуляетъ по лѣсу, вблизи острога, и по берегу Вилюя; что жандармъ творитъ ему по возможности пакости,—такъ, напримѣръ: зимой началъ запирать острогъ, когда самъ уходилъ пьянствовать съ казакомъ въ городъ, а потомъ это запиранье ввелъ и въ систему,—именно: сталъ запирать острогъ, когда бывалъ и дома, со времени казенной зари, т.-е. съ 9-ти часовъ. Эта практика удержалась и впослѣдствіи, когда я на обратномъ пути былъ у Чернышевскаго. Такъ постоянно, понемногу его переводили на острожное положеніе, которое потомъ даже усилилось присылкой военнаго караула и занятіемъ имъ сторожевыхъ постовъ со всѣхъ сторонъ острога.

Въ началѣ февраля 1874 года я снова былъ въ Вилюйскѣ. Исправникъ былъ тогда уже другой; я встрѣтилъ его на дорогѣ, когда ѣхалъ въ Вилюйскъ, и онъ, при прощаніи, сказалъ мнѣ: «увидите Николая Гавриловича, передайте ему мой поклонъ»,—давая тѣмъ понять, что я могу видѣться съ Чернышевскимъ. И едва я пріѣхалъ въ городъ и хотѣлъ итти къ Чернышевскому, какъ уже оттуда явился жандармъ и позвалъ меня, сказавши, что Чернышевскій узналъ о моемъ пріѣздѣ и зоветъ меня къ себѣ. И этотъ, второй по назначенію, жандармъ оказался очень милый человѣкъ. Онъ только что недавно пріѣхалъ въ Вилюйскъ вмѣстѣ съ женой, вмѣстѣ же съ ней и жилъ въ камерѣ острога, рядомъ уже съ камерой Чернышевскаго. Онъ прожилъ на Вилюѣ два года. Каждый жандармъ, прикомандированный къ Чернышевскому, получалъ по 20 р. ежемѣсячнаго жалованья. У этого жандарма Чернышевскій теперь бралъ и столъ.

Я остановился въ городѣ у одного казака и тотчасъ же невольно обратилъ вниманіе на нѣкоторое разрушеніе пола въ домѣ этого казака. Казакъ мнѣ объяснилъ слѣдующее: въ декабрѣ 1873 года неожиданно явился изъ Иркутска полковникъ Купенко (начальникъ отдѣленія Главнаго Управленія Восточной Сибири по политическимъ дѣламъ). Купенко, никуда не заѣзжая,—это было ночью,—прямо пріѣхалъ въ острогъ, произвелъ у Николая Гавриловича самый тщательный обыскъ и затѣмъ началъ обыскивать дома нѣкоторыхъ казаковъ, преимущественно ходя по амбарамъ, лазая въ подполья, а если таковыхъ въ домѣ не оказывалось—взламывалъ полы. Это онъ тоже искалъ Лопатина, бѣжавшаго на этотъ разъ уже безъ остатка и, какъ снова полагали въ Иркутскѣ, бѣжавшаго за Чернышевскимъ. Вилюйскіе жители клятвенно увѣряли меня, что Купенко увезъ у Чернышевскаго чуть не цѣлый возъ рукописей. Николай Гавриловичъ сказалъ мнѣ, что Купенко не нашелъ у него ни одной писанной строчки, и, какъ я ни увѣрялъ вилюйскихъ гражданъ, что они врутъ, они твердо стояли на своемъ. Ихъ пылкое воображеніе создало себѣ такое понятіе о Черны-

шевскомъ, что онъ только и дѣлаетъ, что пишетъ,—пишетъ обо всемъ и обо всѣхъ. Что онъ пишетъ, понять они, конечно, не могли, да это ихъ и не интересовало. Обо всемъ и обо всѣхъ—и баста! Развѣ этого не довольно? И писанія этого всѣ очень боятся, особенно тамъ, въ Петербургѣ.

— Онъ, вѣдь, уже и печатаетъ, мы сами читали.

— Помилуйте, что вы? Гдѣ?

— Печатаетъ. Печатаетъ во всѣхъ журналахъ и газетахъ. Вотъ, извольте, напримѣръ, въ «Вѣстникѣ Европы»... вы читали статью «Христославцы».

— Нѣтъ, не читалъ.

— Вѣдь тутъ нашъ архіерей описанъ, какъ есть съ головы до пятокъ.

— Да, помилуйте, развѣ Николай Гавриловичъ когда видѣлъ вашего архіерея?

— Зачѣмъ видѣть, слышалъ... Онъ, м. г., онъ! Архіерей нашъ, какъ живой! А самая подпись-то сочинителя?

— Ну-съ?

— Да какъ-же—«Забытый»! Такъ таки прямо и подписано: «Забытый». А Чернышевскій кто же и есть, какъ не забытый? Прислали его къ намъ и забыли. Ужъ чего можетъ быть яснѣе?

Напрасно я разубѣждалъ гражданъ, что въ томъ то и бѣда, что Чернышевскаго не забыли и что Чернышевскому нѣтъ никакого дѣла до ихъ архіерея,—все было напрасно. Ихъ воображеніе требовало сказокъ, а что эти сказки нелѣпы—это даже и лучше. Про послѣдній побѣгъ Лопатина у нихъ сложилась даже цѣлая легенда, что онъ ушелъ изъ присутствія у всѣхъ на глазахъ, закованный, *сквозь стѣну*, «конечно, не безъ помощи нечистой силы», таинственно и шопотомъ прибавляли они. Я не шучу: всѣ эти разговоры буквально вѣрны, слово въ слово...

Въ этомъ маленькомъ городкѣ всѣ жители знаютъ другъ друга, какъ самого себя. Всѣ они уже успѣли надоѣсть другъ другу до одури, и вдругъ является—до нѣкоторой степени тоже въ средѣ ихъ—новый человѣкъ, который никуда не ходитъ, котораго всѣ мало видятъ и знаютъ только по слухамъ отъ жандарма или казака, и... вотъ причина, чтобы всѣ интересовались имъ и создавали объ немъ небывалыя сказки.

Я бывалъ по цѣлымъ днямъ у Чернышевскаго, и онъ мнѣ разсказывалъ, что, въ началѣ своего житья въ Вилюйскѣ, онъ много страдалъ отъ назойливости разныхъ пріѣзжихъ господъ, особенно разныхъ купцовъ изъ якутскихъ приказчиковъ, и просилъ, наконецъ, теперешняго жандарма не пускать никого. Съ прежнимъ жандармомъ онъ никогда не говорилъ ни слова со времени нашего изгнанія изъ Вилюйска. Книгъ для чтенія у него было мало; ихъ не присылали, потому что въ то время путныя книги, въ томъ числѣ и переводы, перестали выходить, наступило царство Лонгинова въ Управленіи по дѣламъ печати. Начиналъ было онъ продолжать «Разсказы изъ Бѣлаго Зала», но часто рвалъ въ ожида-

ніи нашествія непріятеля и безъ надежды получить возможность возобновить ихъ и писать безъ помѣхи, хотя, очевидно, ему этого очень хотѣлось. Ему было крайне противно, что какой-нибудь налетѣвшій чиновникъ увезетъ всѣ его рукописи и въ нихъ начнутъ рыться.

Занимала еще его въ это время мысль написать исторію въ разсказахъ для дѣтей. Часть ея онъ уже написалъ, но уничтожилъ еще до пріѣзда Купенко. Затѣмъ, по отъѣздѣ Купенко, еще написалъ немного, что тогда и прочелъ мнѣ. Это предполагался рядъ историческихъ картинъ, образно и разсказанныхъ. Прочитанный мнѣ отрывокъ разсказывалъ про осаду Коринфа римлянами. Священная любовь коринфянъ къ своимъ республиканскимъ учрежденіямъ и страхъ за разрушеніе греческой цивилизаціи варварами-римлянами—вотъ была тенденція, поученіе разсказа. Но какая прелесть была въ этомъ разсказѣ! Собраніе на площадяхъ гражданъ, ихъ разговоры, ихъ воззванія и приготовленія къ защитѣ города, наконецъ, самая осада—это было изображено въ рядѣ такихъ живыхъ и вдохновенныхъ картинъ, что онѣ остались въ моей памяти именно какъ картины живой жизни, а не слова. Молитва гражданъ къ статуѣ Афины-Паллады была написана гекзаметромъ, но я до тѣхъ поръ не слыхалъ такого страстнаго, такого могучаго гекзаметра. Я обыкновенно привыкъ думать, что отъ гекзаметра всегда получается впечатлѣніе десятипудовой тяжести... Но этотъ гекзаметръ былъ именно тутъ у мѣста, какъ будто такъ именно и надо было написать это мѣсто, эту молитву къ богинѣ—покровительницѣ Коринфа.

Вотъ послѣднее литературное произведеніе, которое я слышалъ отъ Николая Гавриловича. Продолжалъ ли онъ его и писалъ ли еще что-нибудь, я ничего не знаю... Это были мои послѣднія свиданія съ нимъ. Видимо, и тогда ему уже крайне тяжело жилось; видимо, онъ съ каждымъ днемъ терялъ надежду на что-нибудь лучшее, а также надежду и на возможность какой-нибудь литературной работы. Книгъ не было. Газеты передавали одну убійственную монотонность русской жизни, иллюстрируемую рядомъ всевозможныхъ родовъ самоубійствъ и бѣгствомъ заграницу учиться (1872—1873 гг.). Положеніе Чернышевскаго, казалось, было уже настолько скверно, что сквернѣе и быть не могло, но оказалось возможнымъ и сквернѣйшее. Послѣ неудавшейся попытки Мышкина увезти Чернышевскаго изъ Вилюйска, явился военный караулъ въ острогѣ, и Чернышевскаго съ полгода не выпускали за ворота. Потомъ выпустили, но, когда онъ отправлялся куда-либо по городу, за нимъ слѣдовалъ издали казакъ или жандармъ, глядѣлъ, куда онъ заходилъ, и ждалъ его выхода. Чернышевскій познакомился съ какимъ-то священникомъ и сталъ у него бывать. Священника за это погнали изъ города куда-то въ глушь. Попадался глупый исправникъ, который лѣзъ къ нему въ дружбу, но, не найдя сочувствія, начиналъ рядъ мелкихъ притѣсненій.

И горько, и скучно описывать всю эту гнусную канитель раз-

ныхъ назойливостей и непріятностей, которыя приходилось переносить Чернышевскому...

И вотъ, вдругъ, весной въ 1882 г. изъ Якутска было получено предписаніе оклеить обоями комнату Чернышевскаго. Кому это пришло въ голову и зачѣмъ?...

10 октября 1882 г.

Stanford University Libraries
3 6105 008 848 363

Складъ въ книжномъ магазинѣ

С.-Петербургъ, Невскій 60. Москва, Тве

Цѣна **30** коп.